ЧЕСТЬ

ОТВАГА

В. Митрошенков ...И в этот момент Губенко подвел свой И-16 к правому крылу японского истребителя и винтом самолета разрушил его. Неприятельский самолет дернулся, накренился и, теряя управление, заскользил к земле. Удостоверившись в падении врага, Губенко благополучно приземлился на своем аэродроме.

АНТОН ГУБЕНКО

МУЖЕСТВО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первый в истории мировой авиации таран вражеского самолета был совершен в 1914 году знаменитым русским летчиком Петром Нестеровым. Второй таран принадлежит выдающемуся советскому военному летчику Антону Алексеевичу Губенко, сбившему японский самолет в 1938 году. Повесть рассказывает об удивительной судьбе этого героя неба, во многом определившего своим воздушным творчеством направление боевой подготовки советских летчиков накануне Великой Отечественной войны.

- В. Митрошенков
  - Кто же он, Антон Губенко?
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Иллюстрации
- notes
  - 1

В. Митрошенков
Антон Губенко

Быть может, это был неистовый Икар,
Который вырвался из пропасти вселенной,
Когда напев винтов с их тяжестью мгновенной
Нанес по воздуху стремительный удар.

Николай Заболоцкий

Кто же он, Антон Губенко?

1 июня 1938 года в Японии был объявлен национальный траур. Следующий день в государственных учреждениях Страны восходящего солнца был отмечен торопливой активностью и повышенной нервозностью. Несколько министров подали в отставку, ряд чиновников покинули насиженные кабинеты, многие служащие были уволены без выходного пособия.

Происходили перемещения в высшем командном составе: начальник управления ВВС Японии был снят с его поста, освобождались от должностей генералы и офицеры. «Божественный микадо» потребовал полного досье на советского летчика Антона Губенко, который 31 мая 1938 года таранным ударом сбил японский военный самолет.

Японская военная разведка спешно собирала материалы на «русского камикадзе».

О подвиге Антона Губенко в те дни в Японии писали со страхом, в Германии — с возмущением, в Канаде — с восторгом, в Англии — доброжелательно...

Япония, готовившая тайное оружие против своих врагов, должна была именем «сына священного ветра» (камикадзе) назвать летчика другой страны.

Кто же он, Антон Губенко? Имя этого легендарного человека отлично знают курсанты и летчики нашей страны, они почитают его наравне с именами Валерия Чкалова, Анатолия Серова, Полины Осипенко, учатся на его примере. Валерий Чкалов проявил себя как выдающийся летчик-испытатель, пилот-новатор, его друг, военный летчик Антон Губенко вслед за Петром Нестеровым открыл для целого поколения рыцарей неба невиданные ранее возможности применения крылатой машины в воздушном бою, в штурме вражеских укреплений, использовании авиации как всепогодного и маневренного оружия.

Он был выдающимся новатором в небе и не только сам показал изумительные образцы владения крылатым конем, но и как летчик, как командир эскадрильи, как заместитель командующего авиацией Белорусского особого военного округа воспитал целую плеяду талантливых воздушных асов, во многом предопределив направление боевой подготовки наших летчиков в предвоенные годы.

Таран, впервые в истории мировой авиации примененный в 1914 году известным русским летчиком Петром Нестеровым, в 1938 году использованный в воздушном бою Антоном Губенко, стал для советских летчиков мощным и надежным средством

поражения неприятельских самолетов в годы Великой Отечественной войны.

Из общего числа таранов, совершенных советскими летчиками в годы войны, почти половина совершена авиаторами Белорусского особого военного округа.

Однако жизнь Антона Губенко оборвалась накануне схватки с германским фашизмом, многое из его удивительной судьбы было забыто, затерялось в подшивках газет, осталось в памяти отдельных людей... Попыткой рассказать об этом бесстрашном защитнике неба и является данная книга.

Глава первая

В 14 часов 23 минуты самолет, пилотируемый военным летчиком старшим лейтенантом Иваном Фроловым, потеряв управление, вошел в крутое пике и через 18 секунд столкнулся с землей...

Окровавленное тело Фролова было отправлено в госпиталь, полеты приостановлены, самолеты возвращены на аэродром и отрулены в капониры.

Летчики допоздна толпились у штаба, ждали вестей из госпиталя, судачили о происшествии.

Говорили откровенно, спорили:

— Не летать больше Ивану...

— Жив бы остался, не до жиру...

— Сам виноват! Доверился Губенко! Эх, экспериментаторы! Разве можно летать ночью или на малой высоте? Самолет он и есть самолет, а не телега...

— В умелых руках аэроплан штука надежная!

— Каково Клаве! Женился недавно.

— А что, у Ивана руки кривые? Уж лучше, братцы, не жениться...

— Ну, расхныкались! — взорвался один из пилотов. — Губенко жив! Настырен и летает. Значит, и мы можем! Погодите, еще и Фролов полетит.

— Ладно, ладно, не хвались!..

Плотный, крепкий пилот в кожанке стоял в стороне, прислонившись к широкой кудлатой липе, и слышал весь этот разговор. Он не принимал в нем участия, не защищал себя, не оправдывал Ивана Фролова. Все, что произошло с Иваном в воздухе, пока оставалось неизвестным; в причинах аварии надлежало разобраться. Уже создана комиссия, но случившееся имело прямое отношение к нему, к Антону Губенко. Он не мог быть безразличным к судьбе товарища, как не хотел и раскаиваться... Да, он, Антон, убеждал Фролова летать ночью, летать на малых высотах, и тот, поверив ему, хорошо летал, делал пилотаж, пусть пока несложный... Летал до сегодняшнего дня...

Из одноэтажного дома вышел начальник штаба.

— Товарищи командиры! — тихо сказал он. Голоса тотчас стихли, летчики повернулись к проему двери, у которой остановился высокий бритоголовый начштаба. — Прошу в госпиталь не ходить, не звонить врачам, не мешать. Полеты отменяются. Завтра состоится комсомольское собрание...

Кто-то, откашливаясь, выкрикнул:

— А какая повестка дня?

— Повестка дня? — хмыкнул начштаба. — Обычная: безопасность полетов, летная и воздушная дисциплина, борьба за ударничество. — Он сделал паузу, посмотрел большими, навыкате глазами по сторонам, с явным вызовом добавил: — Поговорим об экспериментаторах, обсудим Губенко...

...Впервые Антона не избрали в президиум. Он сидел в зале рядом с Петром Корневым на жестком откидном стуле. В зале было тихо, пахло масляной краской и еловыми стружками.

Клуб открыли недавно. Строили его всем гарнизоном почти два года, по субботам и воскресеньям выходили на площадку семьями. В день открытия клуба состоялся вечер чествования ударников. А вот сегодня разбор персонального дела летчика.

Собрание сразу пошло полным ходом. Зал, заполненный молодыми, горящими глазами, кипел.

— Старший лейтенант Губенко зазнался, — говорил с трибуны запальчиво Антон Клинов, — он высокомерен, груб с начальниками. Ему наплевать на планы боевой и политической подготовки. Он сам навязывает свои планы, сбивает рабочий темп, мешает росту летного мастерства, повышению боевой готовности. Вы знаете, какие дела на Дальнем Востоке?.. Конфликт на КВЖД призывает нас к бдительности. Сейчас восстановлены отношения с Китаем, но это не означает...

«Черт, гладко чешет, — размышлял Губенко. — Подготовился! И Китай приплел...»

Антон сидел в пятом ряду, затерянный в гуле, не зная, как себя вести: выйти и рубануть все, что думает, или сидеть, опустив голову? Против него почти все, словно сговорились.

Пытаясь отвлечься, он вспоминает недавний вечер в клубе. Ударники в тот день получали книжку-удостоверение с показателями достигнутого, денежные премии, почетные грамоты. Один за другим поднимались на сцену командиры и бойцы, торжественные, нарядные, принимали награды и, взволнованные перед ритуальной фразой, соединявшей в себе гордость и честь бойца Красной Армии, замирали, а потом на выдохе произносили:

— Служу Советскому Союзу!

Эта фраза имеет удивительную силу воздействия на того, кто говорит, и на тех, кто ее слушает. Именно в тот момент, когда ее произносят! Ведь и в словах «Я тебя люблю» нет волнения, пока они не зазвучат между любящими.

Наэлектризованные, всецело поглощенные событиями на сцене, присутствующие с взиманием слушали следующую

фамилию. Поддался этому ощущению и Антон Губенко. Не знал, что его фамилии в тот вечер не произнесут, но ждал, даже надеялся: хотелось быть отмеченным за летное мастерство. Он радовался успехам друзей, многим помогал. Он был уверен, что летает лучше Гандзюка, которого наградили... И когда не услышал своей фамилии, застеснялся, покраснел, вышел из зала. В фойе никого не было. Постоял в холле, поднялся по боковой лестнице на второй этаж, остановился перед большой картиной. Художник изобразил летчика, облокотившегося на пропеллер биплана. Как бы плохи, несовершенны ни были подобные картины, Антону они нравились. Он не понимал тонкостей изобразительного искусства — сюжет, композицию, форму, — да и не знал, что значит понимать искусство. Если картина волновала его, задерживала внимание, вызывала ассоциации, значит, она художнику удалась. Особое отношение у него было к картинам, посвященным авиации. Он смотрел на них как на изначальную тему, пробуждающую в нем фантазию, воспоминания, чувство профессионализма... Может быть, художники именно этого и боялись: профессионального прочтения произведения. Эта картина ему нравилась простором, умным лицом летчика, изображенного на ней, бесконечной изумрудностью аэродрома, сливающейся в далекой перспективе с голубизной упавшего неба. Он не услышал шагов подошедшего к нему, очнулся только от голоса:

— А-а, Губенко! Артист в воздухе, акробат! Только вам мешает одно...

За спиной стоял новый командир эскадрильи майор Иванов.

— Что же мне мешает? — смущенный, повернулся к начальнику Антон.

— Вы летаете для самого себя, — похлопал по плечу его Иванов. — Для вас дисциплина вроде узды, зряшного ограничения. Напрасно, напрасно... Кругом вас товарищи, для них ваш пример может оказаться гибельным. В чем дело? Хотите больше пилотировать — я разрешу, только так, чтобы не смущать других. Показывайте себя! Дадим вам задания посложнее, специальную программу разработаем. Только возьмите себя в руки! Вы в Красной Армии, а не в группе анархистов! Дисциплина, порядок, организованность... В этом наша сила. — Иванов взглянул на часы, оправил гимнастерку, долго смотрел на картину, одобрительно улыбнулся. — Не забывайте, что жизнь летчика — такой аппарат, который подороже самолета... Вы часто слышите: берегите самолет! Но мы бережем и летчика. Летчик создается годами. Он впитывает в себя соль политики и науки... Понимаете? Он дорого обходится государству. После революции

у нас не было своих самолетов. А вот я, командир эскадрона, сменил коня на самолет! А как любил коней! Умел махать шашкой... И-эх! — Иванов махнул рукой, как бы изображая удар шашкой. — Меня вызвали в штаб, послали комиссаром в авиационную часть. Приказ, дисциплина... Нужен воздушный флот.

— Я тоже любил в детстве лошадей, — заметил тихо Губенко.

— «Я, я», — передразнил Иванов хмуро. — Вы сразу верхом на самолет вскочили, вам не надо переучиваться, а только учиться...

И он ушел, оставив Антона одного у картины... Но это было, было... А сейчас Антон сидел в зале, и его фамилию склоняли вкривь и вкось...

— Тихо, товарищи!

Губенко вздрогнул, поднял голову. Председательствующий Фома Грачев, подергивая крутолобой головой, успокаивал аудиторию, просил вести себя спокойно, не вскакивать с мест и не орать.

— Слово Пекарскому, летчику из второго звена... — объявил он.

— Давно пора поговорить о моральном облике товарища Губенко. Он состоит не только из недостатков. Неправильно! Наш славный комсомол, несмотря на внутреннее сопротивление Антона, сумел воспитать в нем некоторые положительные качества. Но сейчас речь о недостатках, и я буду верен теме собрания... Они мешают и ему и нам...

Втянув голову в плечи, Губенко сполз со стула, укрылся за широкую спину впереди сидящего летчика, насупил брови, с тяжелым придыханием слушал оратора. Что они говорят! Они возненавидели его! За что же? Пекарский говорил легко, почти не волнуясь, обличал не Губенко, а явления, которые исходят от шалопутного парня; с рыцарской благосклонностью указывал на шалости молодого летчика.

— Нелюдим, замкнут, одинок, — наклонившись вперед, почти пел Игорь Пекарский. — Чудачества он объясняет своей работой над собой. Он ни с кем не дружит. Кроме как с единомышленниками. Вовлек в этот узкий кружок Ивана Фролова, ставшего жертвой правонарушений. Вы знаете, на ком Губенко женат? Разумеется, на красавице нашего городка. Почему она избрала его? Он подло обманул ее, она была вынуждена выйти за него. Он добивался ее усердно, потому что она родственница нашего командира! Ее бывшая фамилия тоже Иванова...

В зале наступила тишина. Авиаторы слушали с удивленным

напряжением; одни тянули головы в сторону сцены, другие — к спрятавшемуся за спины впереди сидящих товарищей Антону.

В этот момент, когда Пекарский достиг на трибуне наивысшего красноречия, когда авторитет был содран с Губенко, каким-то внутренним чутьем, никогда ему не изменявшей интуицией Антон понял, что оратор заврался и надо действовать немедленно. Антон выпрямился, оперся на подлокотники и с добродушной снисходительностью стал всматриваться в лицо Пекарского, понимая, что теперь весь зал поворачивает головы в его сторону.

— По опыту донбасских горняков я предлагаю Антону товарищескую помощь, — сказал Пекарский, обращаясь к Губенко. — Возьмем его на общественный буксир, прошу считать это моим встречным планом пятилетки...

— Ха, ха, вкрутил... — съязвил кто-то в зале.

Антону голос показался знакомым, он дернулся, хотел повернуться, чтобы узнать, кто ему сочувствует. Но Пекарский еще говорил, и его речь касалась Аннушки, жены...

Антон познакомился с ней в этом самом клубе. Был вечер отдыха командиров, играл оркестр. Она подошла к нему и, не обращая внимания на многочисленные взгляды, толпу сопроводителей, внимательно посмотрела ему в глаза.

— Здравствуйте, товарищ Губенко, — сказала она и протянула руку.

— Здравствуйте, — он подал руку и долго не мог отвести глаз от красивого лица девушки. — Антон...

— Я слышала о вас, Антоша... О вас так много говорят: и хорошего, и плохого. Говорят, вы талантливый...

«Она самоуверенная девушка», — думал он.

— Ну что вы, Аня, это все зря, — смутился Антон.

— Может быть, и зря... Вас я не знаю. Но я люблю талантливых людей...

— Значит, их у вас много?

— Нет, мало. Пожалуй, вы первый.

— Вы мне льстите.

— Да, льщу, но если вы талантливый, у вас голова не закружится.

— Постараюсь...

Он говорил неправду. У него кружилась голова, он терялся, не знал, что ответить, стоял ссутулившись, будто под непосильным грузом. Аня ему очень нравилась. Слабость сильных натур в их неумении сопротивляться любви.

— Ну? Что же вы молчите?

Аня смотрела на него дружелюбно, с чуточку капризным

выражением, с легким намеком на обиду за невнимание, с претензией на полное повелевание им.

— Не знаю. Так много сказано в один вечер...

— Откройте мне какую-нибудь тайну, — мягко потребовала она.

— Когда-нибудь...

— Хочу сегодня, сейчас. Это мое желание!

— Сейчас не могу.

— Не можете?

— Не хочу.

— Почему?

— С вами надо быть осторожным. Я подумаю... Извините...

...Аплодисменты легко и негромко пробежали по залу от первых рядов до последних и стихли неожиданно, будто провалились в пропасть. Пекарский, стушевавшись, сбежал со сцены, по среднему проходу направился к своему месту.

С задних рядов басовито прокричал старший лейтенант Федор Петренко:

— Я не прошу, а беру слово! — Петренко сильно волновался. Громадный, он шагал через зал, всей своей мощью демонстрируя воинственность. — Мне чудится, что дело тут липовое, организованное недругом или дураком. Тихо! Я защищаю не Губенко: его честь не замарана. Я защищаю советскую авиацию, право летчика на эксперимент, на поиск боевой перспективы! Губенко ищет эту перспективу не для себя, а для всех нас. Он великий летчик. Да, да, он это докажет не раз, его узнает вся наша страна. У него легко получаются самые сложные полеты. Все женщины одинаковы, да готовят обеды разные. Так и летчики — все одинаковые, а летают по-разному. Загадка в природе, в таланте, упорстве, усидчивости, да простят меня коллеги, я скажу — в мозговом эффекте...

В зале засмеялись. Летчики любили Федора Ивановича Петренко, любили искренне и честно, позволяли ему судить их, ибо его суд был самым справедливым и бескорыстным. Петренко был громоздок и неуклюж, как не обмытая дождями, не обдутая ветрами вулканическая гора. Он произнес первые фразы, стоя в проходе, и опять двинулся к сцене, медленно, по-хозяйски ступая по дощатому полу клуба; он остановился у ряда, на котором сидел Губенко, приветливо помахал рукой и с чувством человека, отважившегося на что-то большое, шагнул к сцене.

Федор Петренко дружил с Антоном с первого дня их знакомства, часто занимался с ним, поражаясь усидчивости и въедливости молодого летчика, поддерживал все его нововведения в технике пилотирования. Был Петренко как-то в

гостях у Губенко; то был вечер, когда в квартиру к Антону пришел и Фролов Иван.

Днем были полеты. Летала вся эскадрилья. План летного дня был обширен, составлен весьма плотно: каждому летчику предстояло сделать по три-четыре вылета. Самолетов не хватало. Командир эскадрильи приказал Губенко облетать истребитель, на котором заменили мотор. Антон, одарив командира обворожительной улыбкой, проворно бросился к самолету. Проделав необходимый цикл опробования мотора на земле, как предписывало наставление по инженерной авиационной службе, Антон на полном газу порулил на полосу.

Стартер дал отмашку флажком: «Взлет разрешаю». Мотор работал хорошо, самолет тянуло с неудержимой силой. На высоте пятьсот метров, удостоверившись в отличном звуке мотора, Антон не удержался от искушения и стал делать фигуры высшего пилотажа. Он бросил самолет вверх, затем — вниз, влево, вправо.

Ах как Антон любил вот такие полеты, не скованные параграфами инструкции, жестким графиком времени, соблюдением режима скорости! Он мог проткнуть головой небо, распилить крылом облака, заслонить солнце самолетом. Он все мог, но ему не разрешали. А вот сегодня можно. И он крутил свой самолет так, как могут дети крутить миниатюрную модель аэроплана.

Устав от перегрузок, Антон, проносясь над летным полем, смотрел вниз, на полосы, и, не увидев черных точек людей, огорчился: никто не наблюдает за его воздушной акробатикой. И вновь работал в бескрайнем небе, в чистом воздухе.

Губенко великолепно посадил истребитель; украшенный широкой улыбкой, как наградой за искуснейший полет, вылез из кабины, спустился на землю. Медленно, с угрюмыми лицами собирались у самолета товарищи. Подошел командир отряда, сурово оглядел Губенко, махнул рукой, чтобы зеваки отошли, резко обратился к Губенко:

— Два наряда!

— За что?

— За все, что вы творили в воздухе.

— Я хотел испробовать машину. Всего две лишних фигуры!

— Вы не циркач, а военный летчик, — закричал командир. — Вас на «бис» никто не вызывал, понятно? Получите двое суток.

— Да пожалуйста, хоть трое!

— Получите трое суток.

Воспринимал Губенко это наказание как неотвратимый удар судьбы. Оно его не оскорбляло, не злило. И вообще он обдумывал не сам факт наказания, а отношение к его поступку. Кто здесь

виноват? Конечно, он. Налицо нарушение инструкции. Но виноват не только он, думал Губенко, но и командир отряда, который за фактом не видит профессионального почерка летчика.

Антон попросил разрешения покинуть аэродром.

После полетов, вечером, к Губенко пришли товарищи. Антон был тогда холост, жил в командирской гостинице, занимал большую, светлую комнату.

— Брось, Антоха, не унывай, — сказал костистый Стригунов, человек спокойный, уравновешенный, с руками длинными, как крылья самолета. — Не то еще будет в жизни. Надо быть снисходительным, уметь прощать людям их слабости.

— А что? — рассеянно улыбнулся Антон. — Я все прощаю.

— Правильно, — согласился Иван Фролов. В эскадрилье было три непохожих друг на друга Фролова. Здесь присутствовал самый старший из Фроловых. — Правильно, Антон Алексеевич! Нам очень нужен ты, как, ну в общем-то... экспериментатор, современный ударник.

— Хвали его, хвали! — игриво воскликнул Федя Петренко, который до этого молчаливо рассматривал книги Антона. — Блеск, король неба...

— Ну-ка, погоди! — Перебил его Антон, выходя на середину комнаты. — В психологии командира тоже надо разобраться. Может быть, он прав, наказав меня, а может быть, и не прав наш командир отряда. Хочет нас он втиснуть в рамки наставления. Но если они нам малы? Смотреть вперед, жить будущим, а не повторять пройденного — вот чего хочется! Трудных полетов, новой методики! Есть люди, которые боятся новизны. Они или трусливы, или просто ленивы. Думаю, что командир эскадрильи не таков!

— Дай я тебя поцелую, Губенко, — скоморошничал Иван Фролов. — Вот ни было у нас умного человека, а теперича исть. Во!

Все засмеялись, а Фролов, перестав дурачиться, серьезно посмотрел на Антона:

— Мы у тебя, Антон, не потому, не соболезнуем тебе — ах, мол, получил взыскание! Мы не развлекать тебя пришли. Я завидую тебе, хочу тоже усложнять программу, больше вводить боевых элементов. Война может разразиться в любую минуту... Как научимся, так и воевать будем...

— Правильно, Иван Константинович, — хлопнул его по плечу Губенко. — Летать в любую погоду! Не бояться ночи! А ночи бог придумал для войны.

— Для победы!

— Верно! Подойти скрыто, обстрелять объект, отбомбиться и

на бреющем уйти. Бреющий полет, а? Подкрадываться у самой земли? Я отрабатываю упражнения на большой высоте, а потом фигуры выполняю у самой земли... Чувствовать скорость и ее пользу на высоте...

— Ты теоретик, а не летчик, — заметил тогда Петренко.

...И вот Губенко сидит в пятом ряду зрительного зала и угрюмо вслушивается: что же скажет о нем Петренко? Пусть скажет правду, неприятную, но правду, лишь бы без подвохов и хитростей...

Петренко уже не волновался, он говорил громко, словно отчитывал провинившегося учлета.

— Тут судят Губенко... А за что? Много у него оказалось недоброжелателей. А почему? Говорят, что он мешает боевой работе. Этого я не понял. Как же он мешает? Лучше всех летает — значит, мешает? Буренка дает молока больше других — это плохо, наказать ее за это... Не понимаю, вот убейте, не понимаю. В чем же тогда суть ударничества? Как стать лучшим летчиком? Губенко защищал нашу честь на всеокружном соревновании и занял второе место, уступив первое уже признанному мастеру воздушных атак товарищу Серову...

Оратор сделал паузу, почесал затылок в раздумье, улыбнулся многообразию своих мыслей, выбросил руку вперед за трибуну и утвердительно заявил:

— Губенко первым освоил технику пилотирования на малых высотах. Кому он отказал в помощи? У нас тут ходили слухи: чем больше скорость у истребителя, тем труднее летать. Губенко своим примером разбил это вредное утверждение. Еще недавно кони могли обогнать аэроплан. Трудно было аэроплану состязаться с автомобилем. А теперь мы обогнали паровоз! Антон хочет обогнать птицу и даже звук. И обгонит!

Поднялся невообразимый гвалт. Кричали все: «Молодец!..», «Опять прожектерство!..», «Это провокация!..», «Антинаучное утверждение, нет таких самолетов!»

Петренко выждал, не смущаясь, поднял руку:

— Дайте же мне высказаться! Я еще хочу поговорить о женщинах... Тут гражданин Пекарский рассуждал о жене Губенко. Она, видите ли, выбрала Губенко, а не его. Красивая у Антона жена. И она не ошиблась в выборе... Я, признаюсь, тоже люблю Антона... А еще тут коснулись фамилии нашего командира. Да, наш командир состоит в родстве с Ивановыми. И вот почему... Знаю я историю одну, давнюю-давнюю...

И Петренко коротко рассказал, как люто дрались партизаны с японскими самураями на Дальнем Востоке. В одном бою был ранен молодой хлопчик. Ранен был тяжело, почти смертельно.

Никто не мог его спасти, да и доктора в отряде не было. И вот тогда машинист паровоза Дмитрий Карпович Иванов взялся увезти мальца на паровозе в город, занятый японцами. Он подвергал свою большую семью опасности: у него было восемь детей, он переправил юного партизана к себе в дом; семья выхаживала его пять месяцев и выходила. Ожил хлопец! И опять дрался на фронте, стал комиссаром и командиром. Это и был командир. Он взял фамилию в знак благодарности за спасение у Дмитрия Карповича, обещал ее не посрамить. И не посрамил. Очень гордился Дмитрий Карпович своим приемным сыном. Но вот беда, получено известие, что от ран, полученных на гражданской войне, Дмитрий Карпович скончался...

Петренко под всеобщее одобрение торжественно спустился со сцены, празднично неся гордую голову, прошел к своему месту. Авиаторы провожали его восторженными взглядами.

Когда восстановилась тишина, кто-то крикнул:

— А чего Губенко молчит? Пусть скажет!..

Антон, не вставая, спокойно смотрел на президиум. Комиссар, поправив портупею, ухмыльнулся в усы, посмотрел на Антона, кивнул головой в сторону трибуны: мол, выходи!

Потупив голову, Губенко встал. Он не знал, о чем ему говорить. Оправдываться? Это не в его правилах. Критиковать командира отряда? Есть ли смысл после того, что здесь произошло. Нерешительность Антона была замечена:

— Давай, Антон, не робей! — прокричал старший лейтенант Малышев.

Губенко двинулся между рядами, поднялся на сцену, вопросительно и предостерегающе посмотрел на председателя — дескать, зря настаиваете, — подошел к трибуне.

— Сегодня, — тихо оказал Антон, — видимо, не пристало отрицать недостатки. Мне легче было бы признать их, согласиться с ними. Но, дорогие друзья, я комсомолец, я люблю вас, люблю свою Родину, верю в безграничные возможности советской авиации, и я не признаю критику справедливой. До тех пор, пока моя рука сможет удерживать ручку управления истребителем, а глаза смогут различать показания приборов, я буду в авиации совершенствовать ее тактику. Наша авиация должна побеждать и в мирном соревновании, и в воздушных сражениях. Я люблю авиацию и для нее не пожалею жизни...

Последние слова он произнес тихо, но они звучали как клятва.

...Собрание закончилось поздно вечером, не приняв никакого решения.

Глава вторая

Антон Губенко падал с высоты двух тысяч метров. Падал животом вниз, разбросав в сторону руки и ноги, сопротивляясь потоку, стремившемуся закрутить тело, пустить его в плоское вращение, получившее по-авиационному название штопор.

Скорость нарастала с каждой секундой, в ушах усиливался гул, глаза с трудом различали дома, самолеты на аэродроме, метавшихся людей. Воздух становился все более плотным. Губенко чувствовал его тугие, хлещущие по лицу струи, затруднявшие дыхание, упругие потоки между пальцами, которые, казалось, можно было схватить в горсть, сжать и удержаться, повиснув в воздухе. Земля, плоская и бесконечная, уходила в сиреневую дымку горизонта, начинала двигаться, ее мотало из стороны в сторону. Она скакала куда-то вправо, исчезала за спиной, потом неожиданно выплывала и оказывалась точно под ним. Но через секунду земля вздыбливалась, поднималась зеленой высокой стеной и начинала вместе с Губенко опрокидываться вниз.

Штопор был одним из самых неисследованных и загадочных явлений в авиации. Он стал причиной гибели многих летчиков. В 1916 году одаренный русский летчик Константин Арцеулов преднамеренно ввел самолет в штопор и, успешно преодолев стихию сложного вращения, вывел самолет из штопора.

Штопор перестал быть тайной века, непознанным явлением воздухоплавания. Он покорён, а позднее исследован и положен на язык науки. Штопор авиации покорился.

Но штопор человеческого тела по-прежнему вел к смертельному исходу, пока еще немногие счастливчики, совершив кульбит, могли стабилизировать тело и, не боясь скручивания парашюта, раскрыть его.

Губенко, отыскивая глазами на земле гарнизонный стадион, у леса — палатки и ориентируясь на них, пытается вывести тело из непослушного вращения. Снимая правую руку с потока, Антон ищет спасательное кольцо, ловит последние мгновенья для раскрытия парашюта. Ниже — запретная линия, черта, опасная зона. Руки нарушают центровку, весовые пропорции, это усиливает вращение.

Антон не знает, сколько оставалось метров до земли, но интуитивно, по внутреннему отсчету времени он догадывается, что в его распоряжении остались последние десятки метров, ничтожно малые секунды: «Не хватит высоты для раскрытия парашюта, наполнения его воздухом, ослабления динамического

удара при встрече с землей. Не хватит...» Кажется, что он думает об этом.

В каком-то невообразимом, ошеломляющем потоке тело летчика крутилось, переворачивалось головой то вверх, то вниз, стремительно, камнем неслось к земле.

И в тот момент, когда Губенко на какое-то мгновенье остановил вращение тела и собирался раскрыть парашют, он услышал аплодисменты, возгласы одобрения, приветственные крики...

Люди любят наслаждения, падки на сенсации, они приняли его прыжок за очередную выходку, за дерзкий поступок лихача, сорвиголовы, за бесшабашную героичность. Пока купол змейкой вытягивался, мягко шурша разворачивался, покачиваясь, как шатер, наполнялся воздухом, Антон сгруппировался, приготовился к хлопку купола и грубому рывку тела...

Пак! — хлопнуло над головой. Тело резко замедлилось в падении, охваченное ремнями, закачалось в свободном висении. Стропы пружинили, серебрились, казалось, гудели. Антон приземлился в центре стадиона, где и обещал приземлиться и где его ждали боевые товарищи.

Оркестр играл туш, пионеры вручали цветы, трибуны грохотали аплодисментами, стонали от криков радости, восхищения смелостью их военного друга.

В толпе, окружившей его, слышалось:

— Лихач...

— Рекордсмен, прямо чемпион...

— Везуч, везуч, Антон Алексеевич...

Антон улыбался, благосклонно принимал поздравления, отвечал на пожатия, давал себя обнять, позволил снять парашютный ранец, а сам думал о действительном везении, о чуде, спасшем его.

Подошел врач. Он изъявил желание немедленно осмотреть Антона и, нисколько не смущаясь возбужденной толпой, стал ощупывать, отыскивая переломы, осматривать, надеясь найти ссадины.

Губенко разрешил себя крутить, раздевать, сгибать руки, а сам, приходя в себя от неожиданного вращения в полете, чуть не приведшего к гибели, подумал:

«Каким пульсом измеряются радость удачи, досада за каждую оплошность или то непередаваемое чувство восторга, когда после рывка раскрывшегося парашюта падение внезапно замедляется и видишь над собой шелковый купол, а внизу землю — не злую, мгновенно растущую и готовую тебя раздавить, а землю, на которой так много лесов и полей, что кажется — сейчас вот

опустишься и пойдешь бродить по ним, как человек, попавший в родной край после долгой разлуки».

Доктор остался доволен осмотром, подивился, что такое невообразимое падение не принесло парашютисту никаких увечий. Восхищенный бесстрашием, он похлопал Антона по плечу и отпустил к нетерпеливым друзьям.

Ничего подобного с Антоном еще не случалось. Немало совершил он парашютных прыжков, имел налет около тысячи часов, но такого безвыходного положения не было.

Был случай в одном из полетов, но уже давнишний... Командовал тогда эскадрильей майор Генрих Бирбуц, высокий, статный красавец. Летал он на многих типах самолетов, летал отчаянно, лихо, что и породило о нем массу невероятных легенд. Говорили о его участии в революционных событиях в Германии, об испытательной работе, о побитии им авиационных рекордов на английском аэродроме Форнборо, о том, как он на аэроплане выслеживал ставку Колчака... В общении майор Бирбуц был немногословен, сдержанно проявлял чувство собственного достоинства, жил замкнуто, скрупулезно изучал авиационную технику и выполнял на своих истребителях любые упражнения. Майор Бирбуц был безгранично влюблен в небо, летал часто, веря собственной интуиции и постоянным тренажам в самолете... Бирбуц был старым, опытным летчиком. Внешне застенчивым, но суровым по характеру; он отличался в полетах грубоватым бесстрашием и презрением к мелочам. Летал он всегда без защитных очков, считая их излишней нежностью. Рассудительный, великодушный к подчиненным, аскет в жизни, Бирбуц питал слабость к молодым талантам, любил их выявлять и бережно выращивать. В Антоне он сразу заметил талант летчика. И когда Антон обратился к нему за разрешением начать полеты ночью, Бирбуц с некоторой торжественностью произнес:

— Не возражаю, но первым буду я.

И майор Бирбуц первым поднялся в ночное небо...

Вторым, в соответствии с планом, взлетел Губенко.

Ночные полеты! Сколько радости и волнения испытывает летчик от сознания своей силы, от возможности одолеть кромешную темноту. Слева и справа отороченная огнями взлетно-посадочная полоса, уходящая в небо. Надо перегнуться через борт и посмотреть: мерцающие огни рассыпаны на непроглядно черном небе, как в театре на темном заднике располагаются искусно сделанные звезды. Удивительная способность огней создавать микромир, эффектно расширять ощущения, вызывать ложное восприятие уюта, навевать спокойствие...

По мере разгона самолета аэродромные огни сливаются в

одну линию, небо, подобно шатру, опрокидывается вперед, гася свои мигающие звезды, и летчик, отрываясь от земли, уносит с собой небо. Земля быстро удаляется. Горы, леса, строения — все становится плоским, игрушечным... Ночь поглотила и оставила земную жизнь лишь в воображении. Отвлекаться нельзя: может возникнуть клаустрофобия — боязнь одиночества, недоверие ощущениям, восприятию. Мозгу — полная загрузка! Легкий крен. Прекрасно. Антон с радостью удостоверяется, что машина ему послушна. А теперь маленькую бочечку. Его распирает радость. Ура! Какая ночь! Можно пилотировать, и никто с земли не видит, не будет ругать. Не будет и ареста.

Как жаль, что всему хорошему бывает конец. Надо возвращаться на аэродром: время на исходе. Снижаясь на малом газу, находясь уже над освещенной полосой, Губенко вдруг увидел темный силуэт самолета, который шел поперечным курсом, и где-то у посадочного «Т» легко было столкнуться с «воздушным хулиганом». Что за диковина? Кто может ночью заходить на посадку поперек полосы? За шутку это тоже принять нельзя. Срабатывает молниеносная реакция: уходить в сторону. Антон берет ручку на себя, увеличивает обороты мотору, и, так как самолет находился у самой земли, пришлось сделать фантастический разворот, который в другой, спокойной обстановке, имея время на раздумья, он просто не рискнул бы сделать. Поляна была так близка, что Антон на мгновенье закрыл глаза, ожидая удара плоскости о землю. Машина, надсадно гудя, издавая невообразимый стон, казалось, замедлила свое движение, а потом, медленно набирая высоту, стала уходить в небо.

Это произошло над аэродромом; стоявшие внизу летчики, техники, мотористы видели замысловатое акробатическое па... Ночь помешала им рассмотреть, что произошло. Они приняли «дикую» фигуру самолета за очередную выходку пилота Губенко.

Слыть воздушным лихачом было не так уж зазорно. О лихачах слагали небылицы, им подражали, они становились кумирами молодежи. Среди летчиков, проявлявших находчивость, мужество и решительность, было немало любителей сенсационной популярности. Но Антон не был из числа тех бесшабашных искателей приключений. Антон Губенко с первых дней своих воздушных «приключений» шел на осмысленный риск ради эксперимента, стремясь соединить технические возможности самолета с тактической необходимостью боя. Он тоже рисковал, во многом был первым, но каждый свой новый полет готовил тщательно, как ученик сложную контрольную работу.

Губенко шел своим, особенным путем, он не укладывался в

обычные рамки стереотипных суждений об истинном призвании летчика. Но ему казалось, что он медленно проявляет свой летный почерк.

— Вот это да! — воскликнули летчики в ту ночь на старте, увидев непостижимый разворот Антона.

Его поздравляли и на ходу придумывали названия: «лихач первого класса», «циркач». Одни отзывались благоговейно и восхищенно, другие с юмором, как над шутником.

Никто не узнал истинной причины происшествия при посадке. Незамедлительно явился майор Бирбуц и терпеливо выслушал рапорт о выполнении задания.

Антон Губенко, придя в себя после непредвиденно опасной посадки, улыбался; он переживал: товарищи узнают, как он испугался тени собственного самолета и шарахнулся в сторону. Летчики награждали его эпитетами, звучащими в этой обстановке, как комплименты. Антон был благодарен командиру, товарищам, и вообще ему очень хотелось летать, петь, но он никогда больше не вспоминал об этом полете.

О том, как он испугался тени собственного самолета, Антон расскажет через несколько лет.

И вот снова случай: полет и спуск на стадион без парашюта! И Губенко вновь испытал настоящий страх.

...Утром следующего дня был зачитан приказ о назначении старшего лейтенанта Антона Алексеевича Губенко нештатным инструктором по парашютно-десантной службе (ПДС).

Игорь Пекарский, сосредоточенно смотря вперед, не нарушая строя, иронически заметил:

— Достукался...

Старший лейтенант Федор Петренко осторожно протянул руку из первого ряда, схватил стоявшего сзади Губенко выше локтя, сохраняя строгую незыблемость армейских традиций — тишину утреннего построения, на котором ставят задачи на день, прошептал:

— Поздравляю, малыш!

Антон скривился от боли, он не мог во всем признаться даже друзьям и стеснительно улыбнулся.

Многие летчики не любили прыжки с парашютом, не очень-то ценили парашют как спасательное средство, а людей, пропагандирующих парашют, презирали за трусость. Летчик, рассуждали они, должен рассчитывать на своего небесного коня, на профессиональную интуицию и еще уповать на удачу. Удачу превозносили часто, хотя и не всегда к месту. Она изменяла часто.

Парашютная подготовка в эскадрилье была запущена.

Летчики давно не прыгали, парашюты редко осматривали, не проверяли их готовность... «С чего начать?» — спрашивали один другого.

Губенко предлагает начать с прыжков — да, да, с показательных прыжков, со спортивного праздника! И он как новый инструктор назначил срок — День Воздушного Флота.

Отныне он не только летчик, но еще и инструктор парашютно-десантной службы. Он как все. Но он раньше приходит на службу и позже уходит: готовит специальный класс по ПДС, подбирает литературу, составляет инструкцию, пишет проект приказа о новом медицинском переосвидетельствовании летчиков.

Человеку, умеющему распределять время, владеть собой, ежедневно добиваться намеченной цели, сверхнагрузка помогает формировать характер, пополнять знания и укреплять здоровье.

Командир авиационной эскадрильи майор Иванов, характеризуя старшего лейтенанта Губенко, напишет в аттестации:

«Техника полета хорошая. Самолетом владеет легко. Хорошо ведет воздушный бой. При тренировке по особой программе может быть воздушным снайпером. В полете настойчив, упрям, бесстрашен. От самолета берет все, что он дает по конструкции. Очень легко понимает в воздухе все сигналы, предусмотренные на земле на всякий случай. Выносливый. Имеет годовой налет 125 часов, из них 22 часа 41 минуту ночных, 15 часов — высотных.

Подлежит продвижению на должность командира звена без всякой очереди».

В День Воздушного Флота СССР в гарнизоне были разрешены полеты, пилотаж одиночных самолетов и парашютные прыжки.

Антон участвовал во всех видах воздушного праздника, демонстрировал высший пилотаж, совершал парашютные прыжки. В этом празднике не было ни призеров, ни победителей, ни побежденных. Выигрывали все, побеждал каждый. И все-таки победил неугомонный Губенко.

В сентябре Антона посылают на окружные состязания по высшему пилотажу. На один из военных аэродромов со всего округа съехались лучшие летчики, виртуозные пилотажники, рыцари голубого океана. Сюда прибыли на своих самолетах прошлогодние чемпионы! А среди них — ого! — уже известный ас, добродушный весельчак Анатолий Серов.

По условиям за сутки до начала соревнования летчик имел право на один ознакомительный полет над аэродромом, с подходом к нему: изучал местные ориентиры, опробовал машину на всех режимах.

Накануне соревнования Антон Губенко и Анатолий Серов бродили по лесу. Кругом, подпирая небо, загораживая горизонт, грудились сопки. Их острые вершины напоминали шлемы русских воинов, хвоя сосен походила на непробиваемую кольчугу. Вечернее солнце золотило небо, разливало по склонам сопок розовые ручейки. Антон и Анатолий легко познакомились и сошлись в разговоре.

— Попало тут мне, — признался Губенко, — ох и наподдавали, Анатолий Константинович!

— Это хорошо, крепче будешь, — весело ответил Серов. — Герой не тот, кто говорит о новой тактике, а тот, кто ее применяет и обучает других...

Антон наклонился, сорвал куст багульника.

— Верно... Да только самолет опирается на воздух, а экспериментатору тоже нужна поддержка, опора командования.

— Согласен, — пропел Серов, — неоспоримо. Но командир всем не может разрешить пробные полеты: в эскадрилье возникнет анархия. Кому-то одному — это можно...

— Я-то, Анатолий Константинович, не отступлю от задуманного, но ведь, согласитесь, новатору приходится экспериментировать в небе, ну а хлопотать об этом на земле... Без помощи нелегко...

— Верно, Антон. Тебе я помогу, а ты поможешь другому. Есть кому?

Антон улыбнулся, повернулся к Серову, посмотрел на него испытующе.

— Есть! Ивану Фролову. Он мне верит, хотя сильно шлепнулся недавно... Теперь уже оклемался. Отважный человек!

— Летаешь ночью один — значит, можно и вдвоем... Вот вы с Фроловым и попробуйте. Кстати, расскажи о себе, — вдруг попросил Серов.

— А зачем? Или перелет какой-нибудь выхлопотали?

Серов приблизился к Губенко, положил руки на его плечо.

— Уезжаю я скоро, Антон. Получил назначение в Москву. А ты мне нравишься, и я хочу о тебе побольше знать. Когда-нибудь свидимся...

Антон был удивлен, даже ошарашен словами Серова. Отъезд Анатолия мог многое изменить в жизни Губенко. Авторитет Серова был велик, его поддержка обеспечивала зеленую улицу новаторскому движению в округе, в том числе и Антону.

— А что, собственно, говорить? Родился — крестился, вырос — учился, пошел — свою дорожку нашел.

— Ты не знаешь, к чему я клоню, а потому все о себе без утайки поведай мне.

И Антон все рассказал. Собственно, ничего удивительного в судьбе его и не было.

...Он был седьмым ребенком в бедной крестьянской семье Алексея Прокопьевича Губенко, внука отставного солдата, поселившегося на плодородных землях Мариупольщины.

До восьми лет Антон не имел конкретных обязанностей по дому, но, достигнув этого раннего совершеннолетия, стал полноправным в поле и в доме. Учась и работая, пережил отрочество, перешел в возраст рабочей юности. Окончив семь классов, Антон по настойчивому совету сестры Татьяны уехал в Мариуполь и поступил в профтехшколу. Но весной неожиданно для родных оставил учебу в профтехшколе и уехал на Кавказ. Влекла загадочность путешествий, желание новых впечатлений, хотелось самостоятельности.

«Там началась моя самостоятельная жизнь с необычной профессии — охотника за дельфинами. Вместе с артелью рыбаков я выезжал на захудалом катеришке в море. Дельфины кувыркались в синей воде, раскрывая свои зубастые морды, как громадные птичьи клювы.

Матрос-боец, рыжий парень с узловатыми мускулами, сидел на корме и водил дулом по горизонту, высматривая добычу. Я лежал рядом в трусах, готовый в любую минуту прыгнуть в море. Моя задача была не дать подбитому дельфину опуститься на дно. Едва раздавался выстрел, я нырял за тонущим зверем в воду, хватал его рукой за острый скользкий нос и вытаскивал на поверхность. Так я держался с ним на волнах, пока не подходил катер и дельфина цепляли багром», — это уже позднее было написано о Губенко.

Шесть месяцев Антон отдал морю. Но однажды, сняв матросскую робу, он подошел к капитану катера и сказал: «Уезжаю. Спасибо за работу. Больше не буду уничтожать этих животных. Не могу».

— Испугался моря? — спросил Серов.

— Нет, не моря, дельфинов, — Губенко растягивал слова, вкладывал в их звучание искренность и волнение. — С ножом в руках я бросался на дельфина. А он не уплывал, не кидался на меня, останавливался и смотрел долго, проницательно, жалобно, беззвучно. Я уехал. Больше я не мог убивать беззащитных животных.

Антон возвратился в Мариуполь. Он повзрослел, раздался в плечах. У него появились деньги, он стал самостоятельным парнем. Сестра Татьяна вышла замуж и жила с мужем в маленькой квартирке. Поселиться к ней стеснялся — и без него мало места. Он поступил работать подручным слесаря. Его

приняли в комсомол.

Активный общественник, примерный производственник; времени у него хватало еще и на спорт, и на развлечения.

И вдруг он прочитал в газете о наборе в школу летчиков. Тогда в нем и шевельнулись былые мечты об аэроплане. Они были в нем. Он хотел высоты, хотел побывать в облаках...

Для поступления в школу нужна физическая подготовленность, выносливость, знания. Антон становится грузчиком. Чем не закалка мускулов!

В мае 1927 года на тетрадном листе он написал заявление в райком комсомола:

«Прошу направить меня в школу летчиков. Обязуюсь ничем не осрамить чести комсомола».

Вечером о своем решении объявил Татьяне, написал домой маме.

«Мамо! — писал Антон. — Простите, что не спросил вашего разрешения, что не сообщил о своем намерении раньше. — Антон впервые обратился к матери на „вы“. — Я решил стать военным летчиком. Много лет я сохранял в себе эту мечту, долго и настойчиво шел к ней. Я не могу без неба, без трудных и опасных дорог, которые меня ожидают. Я не боюсь их. Я хочу покорить небо, сделать его обжитым, как наша земля. Ведь и землю люди осваивали веками. Простите, мамо, своего непутевого сына».

Через три дня Антон выехал в Ленинград.

Он очарован этим городом, влюбился в него. Через всю свою жизнь пронесет Антон глубокое и восторженное чувство к этому восхитительному городу. Первое письмо из города Ленина он написал сестре.

«Мама-Таня! Мне до сих пор кажется, что я не прогнулся от долгого, затяжного сна — я учусь. У нас четкий распорядок, безграничные возможности изучать авиацию, восхищаться ею и завидовать тем, кто уже познал радость полета.

Думаю, что тот человек, который не поднимается в небо, никогда не познает радости существования. Полет — это состязание, это демонстрация силы разума. Полет... Прости, мама-Таня, я еще тоже не летал, но пишу так потому, что верю в свою аэролетную судьбу. Ленинград — родина нашей авиации.

Недавно в архиве я познакомился с документами первой Авиационной недели в Петербурге. Она состоялась с 15 апреля по 2 мая 1910 года. (Я не ошибся, могла же неделя быть 18 дней! Чего только авиация не натворит!) В полетах приняли участие иностранные летчики — Латам, Христианс, Эдмонд, Моран, Винцерс, баронесса де ля Рош и другие...

„Петербургская газета“ писала по поводу полетов Попова,

Христианса и Морана: „Это авиационное трио, к общему изумлению, летало — и летало смело и красиво.

„Чудеса! и впрямь летают!“ — удивился генерал от воздухоплавания А. М. Кованько. Пришлось Петербургу, наконец, уверовать, что существуют люди, умеющие летать по воздуху“.

Вот видишь — все хотят летать.

...Очень хочу летать. Я как все: летать. Всякое новое дело трудное, но могут быть исключения и в авиации».

Невысокий, угловатый, Антон Губенко не производил на командира выгодного впечатления. Он был замкнут, сосредоточен, медлителен. Говор — смесь украинского с русским, да еще изрядная примесь какого-то приморского жаргона. На него не обращали внимания, о нем почти ничего не знали его друзья. Его даже дразнили сладкоежкой, так как он очень любил сахар; его называли «полиглотом» за то, что он очень много читал. Так продолжалось до тех пор, пока он не показал себя в полетах.

Год учебы в военно-теоретической школе летчиков проскочил незаметно.

Жаль было расставаться со школой, не хотелось уезжать из Ленинграда.

Летом, получив отпуск, Антон уехал в Мариуполь. Несколько дней гостил у сестры, потом уехал к матери.

Дома ему, как почетному гостю, отвели большую комнату. В ней нет прежнего огромного кованого сундука, длинной скамейки вдоль стены, широкой самодельной кровати. Обновление!.. Только один год отсутствовал, а как много изменений. Волнуют стены родного дома, сад в буйном цветении. Волнуют воспоминания детства. Прошлое кажется романтичнее настоящего. Он выходит на улицу, во двор, через калитку попадает в сад.

Тишина здесь необычная. Но скоро уже сама возможность свободно гулять кажется ему непозволительной роскошью. Никто не ищет, не зовет, можно не торопиться. Ах да, ведь он в отпуске! Пока не будет подъемов, отбоев, построений...

Он поднимает голову и долго стоит, зачарованный ночным небом в ярких светлячках-звездах. Безветрие. Земля, деревья еще полны дневного зноя. Природа не засыпает: ощутив прохладу, она тотчас приходит в движение, в неведомое состояние хаоса, в непрекращающуюся работу по очистке воздуха. Запахи родной земли.

Антон присмотрелся и теперь может различать в темноте предметы. Между грядок он проходит к плетню и садится на камень. Беленький, врастающий в землю дом хорошо виден на фоне ночного неба. Ему хочется двигаться, действовать. Антон

идет в поле. Неширокая полоса земли, засеянная пшеницей, кукурузой, плавно спускается к пойме. В самом конце ее деревья, кустарники, густые заросли — мечта мальчишек, импровизированные джунгли, лучшее место для проведения соревнований по ловкости и силе. На том берегу — вздымающиеся в небо поля. Звездный путь, не имеющий окончания. Земля чуточку охлаждается. Он долго лежит на спине, смотрит в небо. Познав многое в авиации, он еще не стал летчиком. Неодолимый зов неба, как зубная боль — до тех пор, пока не вылечишь. Он думает о небе, мечтает о полетах.

Он любил и раньше смотреть в небо и отыскивать там место для проявления своих способностей.

Долгожданный отпуск пролетел стремительно. Впереди учеба. Первая военная школа летчиков имени Александра Федоровича Мясникова находилась в Крыму, на реке Каче, в 18 километрах от Севастополя. Она приняла в свои стены 12-й регулярный набор.

История российской авиации началась с Качи. Первый пилот школы инструктор Матыевич-Мациевич, поднимая 11 ноября 1910 года в воздух старенький биплан, еще не знал, что школа станет гордостью Советской России.

Антон гордился такой славой школы и считал себя ответственным за ее авторитет. Инструкторы школы, среди которых было немало будущих прославленных летчиков, охотно рассказывали об историческом прошлом школы. Губенко узнает о жизненном пути Нестерова, Ефимова, Арцеулова, Цветкова, Крыжановского, Спатареля, и в этом прекрасном перечне фамилий ему покажется, что слава всей авиации родилась в Каче.

Неизгладимое впечатление произвела на Губенко встреча с высоким, простодушным летчиком-инструктором Петром Стефановским, который сам недавно окончил Качинское училище. Как и Губенко, Стефановский тоже учился в Ленинградской военно-теоретической школе. Родные стены Ленинградской школы, общие знакомые сблизили курсанта и инструктора, сделали их друзьями.

Широкоплечий, с бритой головой, всегда с приветливой улыбкой, аккуратный и подтянутый, Стефановский олицетворял собой спокойствие. Он был прост в обращении, и эта простота чудесно сочеталась с армейской вежливостью. Курсанты не помнили случая, чтобы Стефановский позволил себе какую-нибудь грубость. Его любили за то, что он хорошо летал, за то, что не делал никаких секретов из техники пилотирования, за то, что щедро делился с товарищами и душевным теплом и опытом.

О своем первом полете с инструктором Антон позднее

рассказывал:

«Дальше началось невероятное. Земля под нами расшалилась и принялась неуклюже куролесить вокруг самолета. Она исчезала, появлялась и перемещалась во всех направлениях. Она вздымалась передо мной, как морская волна, и снова тяжело обрушивалась вниз. Меня то вдавливало в сиденье, то отрывало так, что я повисал на ремнях, то вертело до головокружения. Я пытался сообразить, что сейчас делает самолет, но у меня ничего не получалось. С уважением подумал об инструкторе: „Как он в этом разбирается? Бог!..“ Наверное, и сейчас на его лице та же спокойная, приветливая улыбка».

Несколько лет тому назад, когда Петр Михайлович Стефановский работал над книгой «Триста неизвестных», он вспоминал:

«Курсант — это продолжение инструктора, его школа, его система, его, если хотите, бессмертие. Инструктор не влияет на подбор курсантов, но зато активно влияет на их жизнь. Смело можно утверждать, что хорошего инструктора курсант помнит всю жизнь. Антон Губенко был из числа нелегких курсантов. Своим устремлением вперед он опережал программу обучения, хотел летать и летать. Мне не раз приходилось предупреждать его за нетерпение. Он прекрасно знал теорию, великолепно летал. Думаю, что это качество у него было врожденным. Антон не уставал на аэродроме. Значит, он любил свою работу, любил авиацию. И еще один эпизод. Проверкой крепости чувств к профессии являются смелые и неожиданные потрясения. В авиации это аварии и катастрофы. Однажды после сильного дождя, не успев вовремя затормозить, Антон выкатился за полосу, попал колесами в яму, перевернулся и вообще-то чудом остался живым.

Мы прибежали к самолету, увидели его висящим на парашютных ремнях головой вниз, и вместо ругани, обычной в таких ситуациях, он спросил: „Второй полет не сорвется?“ Это был Антон Губенко с его неукротимой устремленностью в небо».

Не обходилось в учебе и без курьезов. Однажды, отрабатывая упражнения по разучиванию переворотов, он, одобренный похвалой, переданной Стефановским по переговорной трубе, так увлекся новой фигурой, что не заметил, как потерял высоту. Он приготовился к очередной фигуре, как вдруг почувствовал, что управление перехватил инструктор. На земле, срывая с головы шлем, Стефановский отчитал Губенко и указал на плохую осмотрительность.

Такой разнос Антон переживал больно. А через несколько дней произошел еще один случай.

Выполняя самостоятельный полет на скороподъемность, Губенко встретил на пути облачко и несказанно обрадовался ему. Укрывшись за ним, он стал пилотировать, выделывать фигуру за фигурой. Рассчитав время возвращения, он направил самолет на аэродром, довольный собой. Ему хотелось петь. Он с благодарностью подумал об одиноком облачке. Кругом чисто. Он видел дымку в горах, зелено-голубую над морем, и себя, покорителя высот. Антон запел. Ничто не обещало близкой беды. Безмятежность он сохранил и на аэродроме до тех пор, пока не был вызван к командиру отряди.

— Где вы сегодня были? — спросил командир.

— В зоне.

— Что делали?

— Я попал в облака и взял высоту выше заданной.

— Скажите прямо — пилотировали без разрешения. Сколько петель?

— Пилотировал. Пять петель и три переворота.

— Пять и три. Точно. Я сам был в воздухе и считал каждую вашу петлю. Хорошо, что не соврали, а то за каждую петлю дал бы сутки ареста.

Губенко не наказали. Но он хорошо понимал, что два замечания подряд много, и решение об отчислении может быть принято в любой момент.

Накануне выпуска из училища курсантов ознакомили с аттестациями. На Губенко писал Стефановский. Размашисто, короткими, многозначительными фразами, вкладывая в них свое понимание сути летчика, он писал:

«Воля развита... Решителен, инициативен, сообразителен, упрям. Не всегда выдержан. К работе приступает с энергией, но скоро остывает. Вынослив. Впечатлителен. Характер не вполне сформировавшийся... В обстановке разбирается хорошо. Военной подготовки для занимаемой должности достаточно. Полученные знания может применить на практике и передавать другим. В дисциплинарном отношении требует руководства. Политически развит... Летает с охотой...»

Молодые инструкторы на похвалу были скупы. Они боялись переоценить не курсантов, а себя, красных командиров с одногодичным опытом.

Антон доволен. За словами есть дело: он будет летчиком. Предложение Стефановского сфотографироваться воспринял восторженно. Кому из инструкторов хотелось хранить фото ненавистного курсанта. Значит... Значит, это не так. И на первом командирском фото с двумя кубиками Антон со своим любимым инструктором! Не ожидая распределения, Антон с присущей ему

оперативностью и решительностью написал рапорт на имя начальника 1-й школы летчиков Стойлова и военкома Вялова:

«Прошу Вас направить меня на Дальний Восток. Именно там нашей стране угрожает нападение империалистических войск. Обязуюсь служить честно, овладеть в короткий срок новым самолетом и научиться летать в любых метеоусловиях. Трудностей не боюсь. Отдаленности не страшусь. Школу не подведу».

Стойлов на рапорте написал:

«Молодец. Горжусь. Просьбу удовлетворить».

На выпускном вечере Антон Губенко произнес речь:

«Мы уезжаем из школы в самые отдаленные уголки нашей великой Родины и увозим с собой безграничную любовь к Стране Советов, пожизненную верность выбранному пути, признание нашим командирам, комиссарам, инструкторам, передавшим нам свои знания, частичку своего сердца.

Мы обязуемся высоко нести честь воспитанников Качинской школы, трудом своим приумножать славу Красного Воздушного Флота, бдительно стоять на охране воздушных рубежей СССР, неустанно овладевать новой авиатехникой, тактикой, быть в готовности дать сокрушительный удар по врагу».

Ночью, вернувшись с выпускного вечера, он написал письмо сестре:

«Мама-Таня!

Час назад я официально признан военным летчиком. Я являюсь частичкой нашего огромного и могучего Красного Воздушного Флота и несу ответственность за охрану созидательного труда советского народа. Как красный командир, я принял решение поехать служить туда, где наиболее опасно, вероятно, может быть нападение на нашу страну. Командование удовлетворило мою просьбу. Я еду на Дальний Восток. Да-да, Таня, я счастлив. Я чувствую потребность в моих силах, знаниях. В тех суровых условиях я пройду настоящую закалку и получу необходимый боевой опыт.

Навести маму и передай ей лично о моем новом месте службы. Пусть не переживает, ведь мне виднее, где быть и служить. Писать пока не буду. Деньги буду посылать тебе и маме, помогай всем нашим».

Лейтенант Антон Губенко, окрыленный доверием, уехал служить на Дальний Восток...

Анатолий Серов и Антон Губенко уже давно сидели на лужайке, у высокого кедрача, в разлапистых широких листьях папоротника.

Анатолий, облокотившись на руку, слушал Губенко.

— Вот, кажется, и все, — заканчивая свой длинный монолог, закруглился Антон.

— Хорошая биография, — констатировал тихо Серов. — Вот теперь я, кажется, действительно знаю тебя.

По всем показателям соревнований Анатолий Серов занял первое место, вторым был Антон Губенко.

Газеты донесли до гарнизона это радостное известие раньше приезда Антона. Его встречали торжественно.

Глава третья

В апреле 1934 года Антон Губенко был назначен командиром авиационного отряда одной из частей Московского военного округа.

Молва о неистовом летчике обогнала его и достигла части раньше, чем Губенко там появился.

Антон приступил к исполнению своих обязанностей в мае. Познакомившись с летчиками, он проверял технику пилотирования своих подчиненных: четкость пилотажа, находчивость, выдержку, физическую подготовленность.

— М-да! — протяжно под аккомпанемент моторов начал свой первый разбор полетов Антон Губенко.

Летчики сидели вокруг него на молодой траве.

— Думал, вы летаете поискуснее... Но ничего... А может быть, я вам не словами буду доказывать, а делом? Я вам покажу на самолете...

...Он взлетел и перед изумленными летчиками проделал все фигуры высшего пилотажа. Самолет описывал круги в чистом лазурном небе, бесшумно, оставляя звуки позади, стремительно несся к земле, на бреющем пролетал над аэродромом и, вновь вставая свечой, стремглав достигал необходимой для пилотажа высоты. Антон работал чисто, уверенно, вертко, как может обращаться с машиной только большой мастер.

— Еще один полет — и этот дальневосточник превратит нас из летчиков в подготовишек, — угрюмо изрек лейтенант Борис Смирнов, имя которого через три года — после участия в испанских событиях — станет известно всей стране.

— Ну что приуныли? — спросил Губенко летчиков после полета. — Не понравилось?

— Прекрасно, командир! — признался лейтенант Григорий Кравченко, обнажив в застенчивой улыбке перламутровые зубы. — Нам так не летать...

— Будешь, Григорий, летать, еще как будешь! — Антон говорил убежденно и искренне. Отметая всякое прожектерство в таком трудном и важном профессионализме, как авиация, он за немногие годы службы познал уже цену истинности и фальши. Мастерство в авиации даже при врожденном таланте достигалось огромным, неимоверным трудом.

Губенко не обманул надежд летчиков своего отряда. Он сам летал много, с большим упорством оттачивал элементы фигур высшего пилотажа, постигал новое в тактике боевого применения истребителя.

Однажды в обыкновенный солнечный день, когда полеты уже подходили к концу, Губенко предложил для восполнения навыков в парашютировании сделать по одному прыжку. Прыгали по очереди: Смирнов, Кравченко... последним Губенко.

Свой прыжок он обставил самыми сложными атрибутами. Расстелив на траве кожаный реглан, он приземлился точно на него.

Командир 116-й авиационной эскадрильи капитан Петр Чайкин за свою долгую службу в Подмосковье видывал многое, но такого еще у него в эскадрилье не было.

Сурово и гневно сверкая белками больших глаз, ходил он вдоль строя эскадрильи, думая о мере наказания за провинность: парашютные прыжки были организованы без его разрешения!

— Учитывая высокую личную парашютную подготовку старшего лейтенанта Губенко, — неожиданно сказал Чайкин, — и необходимость улучшения этой работы в эскадрилье, назначаю его моим нештатным заместителем по парашютно-десантной службе.

В тот же день Чайкин, как положено по уставу, доложил командиру бригады о проступке командира отряда Губенко и принятых мерах.

Командир бригады одобрил решение командира авиационной эскадрильи, расспросил его о летных качествах, организаторских навыках Губенко и назначил Антона начальником ПДС бригады.

Осенью на окружных соревнованиях по парашютному спорту команда бригады, возглавляемая Губенко, заняла первое место, сам Антон стал чемпионом.

Боевые задачи 1934 учебного года отряд старшего лейтенанта Антона Губенко выполнил досрочно, стал отличным, переучился без аварий и поломок на новую материальную часть.

Стремительная, бурная жизнь в новой части захватила, закружила Антона, вынесла его наверх. Его хвалили, ставили в пример другим, награждали премиями. Губенко имел огромный авторитет, был очень доволен службой, иногда встречался с Анатолием Серовым, который сдержал слово, помог Губенко в выдвижении. Все было хорошо. Казалось, достигнуто все. Дома был порядок, покой, достаток.

Но так только казалось... до того дня, когда в подмосковном поселке на встречу Нового года собрались летчики, конструкторы, инженеры, техники, люди, горячо влюбленные в авиацию, бесстрашные и мужественные создатели летательных аппаратов и их испытатели.

Губенко никого из них не знал. Ни фамилии, ни новые проекты, которые здесь назывались, о которых спорили, — ничего

для него еще не значили. Гости Серова вели себя шумно, весело, просто, деловые разговоры часто уступали место шуткам.

Говорили о новых заводах, жаропрочном металле, новых профилях крыла, «уникальном самолете Андрея Туполева», перелетах Михаила Громова, катастрофе самолета-гиганта «Максим Горький». Вспоминали планерные состязания в Коктебеле, Василия Степанчонка — неизменного участника безмоторных полетов, поговорили о его идее планерных поездов, способных транспортировать воздушным путем боевую технику и десантников, и о недавно выполненном им перевернутом штопоре. О деле говорили серьезно, о людях — тактично и доброжелательно.

Когда в комнату вошел огромный, богатырского сложения Петр Стефановский, его тут же, не дав раздеться, усадили на диван и потребовали рассказать о полете «самолета-звена», или, как еще его окрестили летчики, «цирка Вахмистрова».

— А чего рассказывать? — простодушно переспросил Стефановский. — Слетали, испытали, система сгодится для войны.

В том полете Стефановский выполнял обязанности командира летающего аэродрома. На плоскости самолета ТБ-1, который пилотировал Стефановский, были посажены по два самолета-истребителя. Вся эта сложная система соединения бомбардировщика и истребителей поднималась в воздух с работающими моторами. В необходимый момент истребители стартовали с плоскостей, вели воздушный бой, защищая бомбардировщики.

— Миша, пожалуйста, расскажи, — взмолился Стефановский, вырываясь из объятий своих друзей, и, увлекая жену Зинаиду Владимировну, направился в коридор раздеваться.

Миша, летчик-испытатель Нюхтиков, был помощником Стефановского по этим испытаниям, летал на правом сиденье. Сейчас он стеснительно жался к этажерке с книгами, бормотал невнятности, защищаясь от наседавшего любопытства...

Атмосфера доброжелательности была приятна Губенко, разговоры о новых самолетах, скоростях взволновали его, но и расстроили. Он многого не знал, кое-чего не понимал, многому удивлялся.

За годы первой советской пятилетки в стране была создана мощная авиационная промышленность; работало шесть самолетостроительных и четыре моторостроительных завода.

И в создании, и в испытании новых самолетов активное участие принимали многие из присутствующих. Они не говорили о своих заслугах, их помыслы были обращены в будущее. Здесь

Губенко впервые услышал о том, что идут научные изыскания по созданию реактивных двигателей. Антон любил самолеты И-4, И-5, гордился ими, а тут говорили о том, что это вчерашнее слово авиации, чуть ли не технический анахронизм, что есть уже истребители со скоростью пятьсот и более километров в час, что у них, вероятно, будет закрытая кабина. Собеседники обсуждали тяжелые машины с четырьмя моторами, способные поднимать в воздух тонны груза.

Антон с восхищением слушает эти разговоры. Он успевает подумать о своем кустарном исследовании боевых возможностей истребителя. Кустарь-одиночка. А тут целый институт с огромным штатом, с деловыми каждодневными связями с конструкторскими бюро, заводами, наркоматами. Они проводят комплексные исследования, устанавливают боевые нормативы, создают действительную перспективу авиации.

В тот вечер Губенко впервые услышал о самолете Николая Николаевича Поликарпова И-16.

Антон сидел на диване, с жадностью ловил каждое слово этих прославленных авиаторов.

Ждали Валерия Павловича Чкалова. Недавно он ушел из института на авиационный завод, на котором испытывал самолеты Николая Поликарпова. Но научно-испытательный институт, или, как его сокращенно называли НИИ ВВС, Валерий Павлович любил, с ним у него были связаны лучшие годы становления, со многими прежними сослуживцами он дружил, нередко приезжал к ним в гости. Сейчас с семьей он жил в Москве на Ленинградском шоссе.

Без четверти двенадцать Серов пригласил всех к столу...

Чкаловы не приехали.

— Да, жаль, Антон, что не приехал Валерий Павлович, — Серов был действительно печален. — У него к тебе очень деловой разговор... Он хочет... Нет, нет, не могу тебе сказать. Пусть он сам говорит...

Губенко был заинтригован, но выспрашивать что-либо о Чкалове постеснялся. Он почувствовал, что Анатолий приготовил ему какой-то сюрприз... А какой — время покажет.

В тот вечер Антон ушел от Серова, так и не узнав самого важного для себя. Тайна раскрылась в первых числах января, когда Серов приехал домой к Губенко.

— Чкалов проводит испытания нового самолета И-16, — сказал он, — самолет превосходный, пойдет в серию, будет принят на вооружение. Потребуются войсковые испытания. Я хочу рекомендовать тебя. Если Чкалов поддержит, все будет в порядке. А сейчас в машину, едем к Валерию Павловичу домой.

Чкалова дома не оказалось.

Его жена, Ольга Эразмовна, сказала, что он мог заехать к Алексею Максимовичу Горькому в редакцию журнала «Наши достижения». Но это не точно. Лучше, предложила она, ждать дома. Давайте пить чай.

Серов поблагодарил Ольгу Эразмовну, отказался от чая и увлек Губенко вниз.

— Поедем, Антон, — сказал он на улице. — Надо выиграть время. Время — это скорость, с которой мы приближаемся к новому аппарату. Стране нужны новые скоростные машины. И-16 — гениальное творение Поликарпова и нашей промышленности.

В редакции журнала Чкалова уже не было, он уехал несколько минут назад. А куда? Никто не знал. Они направились к выходу.

— Анатолий Константинович, — голос остановил Серова у двери.

Он всмотрелся в человека, идущего по коридору.

— Алексей Николаевич, — обрадованно воскликнул Серов, здороваясь с писателем Толстым. — Вот заехал за Валерием Павловичем, да не застал его.

— Был, был, собственной персоной, — говорил со своим особенным произношением Толстой. — Одержимый, неукротимый, буйный, как огонь. Ярчайшая личность. У Чкалова — глубочайшая душа. Мыслитель, философ. А что же вы меня, старика, забыли?

— Авиация не может забыть того, кому она многим обязана.

— Лукавите, голубчик. Люблю людей находчивых. А кто же этот гордый сокол? — Толстой указал тростью в сторону Губенко.

— Могу сказать по секрету: выдающийся летчик. Не верите? Сейчас убедитесь. Антон Алексеевич!

Смущаясь, подошел Антон.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, здравствуйте. Он мне шепнул, что вы Чкалов номер два. Два Чкалова — это много. Достаточно, что у нас два Толстых. Первое всегда великое явление, второе выглядит подражанием... Я весьма обременен ответственностью перед своим гениальным однофамильцем. Будьте вы Губенко. Губенко! Великолепно звучит. Вот тут, друзья мои, недалеко, есть харчевня. Маленькая, славная такая, с настоящим русским чаем. Отведаем, а?

В небольшом, уютном кафе они сели у окна. За столом разговорились. Толстой молчал, с преогромным интересом слушал летчиков, изредка вставляя то или другое слово, иногда задавал вопросы. Он хотел, чтобы говорил этот молодой,

незнакомый ему старший лейтенант, который нравился ему.

— ...Великолепно! — воскликнул Толстой, слушая рассказ о том, как Антон садился на вынужденную. — Ну а дальше...

— А дальше — летчику надо летать. Летчику нужны новые машины да свободные голубые дороги. Я с трудом привыкаю к новым аппаратам. А потом ничего, располагаю. И начинаю крутить... Все чаще и чаще меня охватывает чувство слитности с машиной.

Крылья — это мои крылья. В моторе кипит моя энергия. Я чувствую, как в плоскостях машины оживают мои мысли, моя воля. Я сросся с самолетом. Ручку на себя — прибавлю газ и веду машину в облака. Скорость новой машины стала моей скоростью.

— Батенька мой, вы кудесник! Анатолий Константинович, а правду ли вы мне говорили, летчик ли он? Не писатель ли?

Серов подивился писательскому недоверию и, гордый за свое открытие Губенко, счастливо засмеялся.

— И писатель он, Алексей Николаевич.

— Да ну? Надо к вам присмотреться. Не отстать бы от вас.

В тот день встреча с Чкаловым не состоялась. Антон был доволен беседой с Алексеем Толстым, но, по-прежнему волнуясь, ждал встречи с Чкаловым.

Чкалов и Серов приехали к Губенко через несколько дней, накануне войсковых испытаний самолетов.

Анна Дмитриевна хлопотала на кухне и подавала на стол. Чкалов, сидя за столом, басил, говорил, что есть не хочет, просил всех присесть: ему надо было с гостями посовещаться.

— Человек он особенный, и самолеты его особенные, — говорил Валерий Павлович о Поликарпове, — крупный ученый и очень легко ранимый. На днях вы с ним познакомитесь.

Весь вечер говорили о подготовке к войсковым испытаниям истребителя И-16.

— Хорошая машина, — убеждал Чкалов Губенко. — Скорость, мощь, маневр. А что еще надо?

Чкалов говорил о том, что у И-16 есть недруги, они не верят в Поликарпова, в его машину, в ее целесообразность. Обгоняя рассказ, заметим, что этой машине суждена будет долгая жизнь, большая любовь летчиков, этой машины будут бояться враги...

Валерий Павлович в совершенстве знал этот истребитель, хлопотал за него. Когда он услышал о том, что профессор Журавченко — один из авиационных теоретиков — забраковал машину, Валерий Павлович поехал в наркомат:

— Кто сказал, что машина не выводится из штопора? Кто летал на ней? — Вопрос был серьезным и точным, ведь, кроме Чкалова, на И-16 еще никто не летал. — Я на И-16 делаю плоский

штопор и вывожу из него машину, действуя рулем высоты...

Журавченко покраснел, сопротивлялся недолго, не имея веских доводов, отменил свое прежнее решение. И вот теперь последняя стадия испытаний — войсковые.

Своеобразный по форме крыльев, фюзеляжа и хвостового оперения, стремительный красавец «ястребок» побил скоростью и маневренностью всех соперников в небе. В последнем варианте, с мотором М-62, он развил скорость до 480 километров в час. На высоту 5 тысяч метров самолет поднимался за шесть минут и достигал потолка в 9200 метров.

Это был первый в мире истребитель, имевший на вооружении, кроме пулеметов и пушек, еще две 100-килограммовые бомбы. За сиденьем для защиты летчика была установлена броневая спинка.

О таком истребителе только мечтали. И вот теперь такой истребитель был построен. Испытания состояли из множества сложных упражнений. Помимо всего комплекса боевого применения, на каждом самолете требовалось выполнить по 600 фигур высшего пилотажа и по 200 посадок.

Летом 1935 года Антон Губенко был утвержден ведущим летчиком для проведения войсковых испытаний самолета И-16.

На аэродром прибыла заводская команда наземного обеспечения. Валерий Павлович перегнал самолет, провел несколько занятий с летчиками отряда, с механиками и мотористами, показал высший пилотаж.

Антон понял, что для проведения таких испытаний ему не хватает знаний. Теоретические занятия, которые вызывали зевоту, казались бесконечными, были самыми нелюбимыми, а именно они неожиданно выдвинулись практикой на первое место.

Он больно переживает осознание собственной слабости, недоученности, он скрывал ее от всех только для того, чтобы скорее «подковаться» в теории.

Анатолию Серову он скажет:

«Наступили дни, когда я с одинаковым интересом шел на аэродром и в аудиторию. Часто после полетов я возвращался к схемам, чертежам, разбирая в них свои фигуры — и только что совершенные, и предстоящие в ближайшее время. Какая-нибудь деталь вычерченной кривой, формула, разложенная на миллиметровке, указывали мне на ошибки и наводили на новую мысль».

Он хорошо поймет, что дружбу с теорией нельзя оставлять даже тогда, когда почувствуешь себя опытным и квалифицированным летчиком. Перед каждым ответственным заданием, при каждом знакомстве с устройством новой машины

он сличает новый тип самолета с другим, стараясь угадать его поведение в воздухе и намечая порядок испытаний.

Губенко создает себе самый высокий режим напряжения. Днем он летает, устраивает конвейер взлетов и посадок, по нескольку часов не вылезает из кабины истребителя, не заруливая на стоянку, выключает мотор лишь для того, чтобы залить баки бензином.

На аэродроме, чтобы содействовать ускорению проведения испытаний, временно прекратили полеты соседних эскадрилий.

Все аэродромные службы обеспечения работали в тесном взаимодействии с отрядом Губенко. Он был поставлен на внелимитное и бесперебойное снабжение.

Стояла на редкость хорошая погода: безоблачное голубое небо, тепло, но не жарко, почти штиль. Казалось, чья-то невидимая всесильная рука, перетряхнув летние дни, выбрала, как из картотеки, лучшие и поставила их рядом.

Антон просыпался в четыре часа утра. Вставал по обыкновению сразу, как только открывал глаза, долго и проницательно, стоя у окна, смотрел на небо, на возгорающийся горизонт, на желто-голубой разлив у самого стыка земли и неба, довольный потирал руки: видимость миллион на миллион. Полеты не сорвутся.

Заученно, почти автоматически, не вникая в суть самих движений, делал приседания, махи руками, наклон рук вперед до упора и многие другие движения до тех пор, пока не появлялся пот на лбу, спине, не ощущал набухшие упругостью мышцы. Так он делал каждый день, стремительно разгоняя кровь. Голова была полностью занята полетами, диаграммами, контрольными цифрами летно-тактических данных. Красный предел, эталон возможностей, вершина реальности — вот что он хотел от себя. Цели, которые он ставил перед собой, были пока недосягаемы, но на них работали завод, КБ, военные летчики.

Антон не глядел на часы. Он знал, что время движется точно, а размышления бывают коварны, паузы и минутные заминки способны перебросить мысль очень далеко вперед, но практика может задержать в стремлении к цели...

Думать на ходу, одеваться в движении, здороваться не останавливаясь — все это было вынужденным.

В столовой Губенко и летчики его отряда выпивали по стакану молока, шли в штаб, получали документы, ехали на аэродром.

Самолет уже был готов.

Заводская бригада работала круглосуточно, без перерыва на ночь, на отдых. Кто-то спал, кто-то ехал на завод, в КБ. Кто-то

точил вышедшую из строя деталь, кто-то, отвлекаясь от дела, писал очередную справку.

В одно из таких напряженных утр на аэродром приехал начальник политического отдела бригады полковой комиссар Павел Котов. Губенко был в полете и не знал, что за его бочками и иммельманами наблюдает такое высокое начальство.

Котов — так считал и он сам — был прирожденным кавалеристом-конником. Всю гражданскую провел в седле. Характер коней знал, уважал их самостоятельность. Когда он, бывало, скакал в атаку, то знал, что они вдвоем с конем, что конь для того, чтобы спасать всадника. Кони — а за гражданскую войну Котов потерял лишь двух коней — берегли его. Осенью 1924 года Котову было предложено перейти в авиацию. Возмущенный столь дерзким и оскорбительным для него предложением, он направился в политический отдел, горя желанием найти там поддержку и излить свою боль на людей черствых, бездушных. Кавалерийским наскоком, привычной неукротимостью атакующего он вошел к комиссару:

— Негоже так с красным кавалерийским командиром!..

Комиссар слушал терпеливо, всем сердцем понимая страдания Котова.

— Все правильно, Павел! Ох, нужна нам кавалерия! И воюет, и в плуг ее можно запрягать. Я и сам старый кавалерист, знаю — тяжело с конем расставаться. Не пошел бы в авиацию, если бы не постановление Центрального Комитета партии «О состоянии обороны СССР». Помнишь? А строчки: «Считать, что важнейшей задачей на ближайшие годы в строительстве красной авиации является скорейшее доведение ее качества до уровня передовых буржуазных стран». Это не про коней! Это про самолеты!

Получилось, как в старой притче: пошел за шерстью, а ушел стриженым. Так вот в 1930 году стал Котов слушателем командного факультета Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского.

Начальник факультета В. П. Георгадзе осмотрел своих молодых питомцев, одетых разношерстно, цветасто, как в воскресный базарный день, покачал головой. Были тут и моряки, и кавалеристы, и танкисты, и пехотинцы. Конечно, были и авиаторы.

Старшим курса Георгадзе назначил командира сухопутных войск Константина Вершинина, будущего главнокомандующего ВВС, главного Маршала авиации.

Через несколько месяцев переобмундированный по приказу Я. И. Алксниса в единую авиационную форму. Котов стал заправским летчиком, разговаривая, педалировал «летчицкими»

словечками, подпуская немало тумана «штатским», не искушенным в авиации.

Очень полюбил Котов авиацию, но всегда помнил, кому он был обязан переходом в нее — комиссару. После академии командовал Котов эскадрильей, потом бригадой. Однажды его вызвали и сказали — надо пойти на партийно-политическую работу. Подумал — и пошел. Пошел потому, что помнил о своем комиссаре.

Сегодня Котов, наблюдая за искусным полетом Антона, решил дождаться его окончания и тут же на аэродроме поговорить с летчиком.

Губенко зарулил на стоянку, прожег цилиндры — дал минимальные обороты, вылез из самолета, переждал, пока осядет пыль, поднятая винтом, доложил полковому комиссару об окончании полетов.

Котов расспросил о самолете, о самочувствии, настроении в отряде.

— Собери летчиков! — приказал он. — Поговорить надо...

Недалеко от самолета, прямо на зеленой траве, летчики обступили Котова.

— Вот что, товарищи командиры, — Котов согнал с лица веселость. — Есть мнение ускорить испытания И-16. Обстановка тревожная. Партия и правительство придают серьезное значение оснащению армии новейшей боевой техникой. К тебе обращаюсь, Антон Алексеевич, осилим?

Антон пригладил жесткий ежик волос, поглядывая на небо, прищурил левый глаз, спокойно, без демонстративной патетики произнес:

— Осилим!

— Знаешь, Антон, — сердечно выдохнул, признаваясь, комиссар, — я так и думал. Ты на конях не ездил, тебе воспоминание о них не мешает. Пойми мою просьбу серьезно. Ты имеешь право отказаться, попросить отсрочки и будешь прав. Но на вас, молодых надежда... Оседлайте эту машину! Объездить ее надо!

— Объездим в заданный срок!

К вечеру на аэродром прибыл конструктор И-16 Николай Николаевич Поликарпов. Широкоплечий, круглолицый, с высоким лбом. Он выглядел усталым.

— Полетай, Антон, — попросил он, — покажи...

Губенко взлетел, сделал серию фигур высшего пилотажа на малой высоте и, не желая утомлять творца этой машины, прекратил полет.

— Хорошо. А как машина вооружена? Ей придется воевать.

Будем сокращать программу испытаний?

— Не надо, — возразил Губенко. — Программа пусть останется прежней. Мы сократим время, а не программу...

— Как? Вы уже об этом знаете? — растерянно воскликнул Поликарпов. — Сегодня я был в наркомате, в ЦК, тревожная обстановка в мире...

...Испытания машины завершились успешно.

Начальник политического отдела бригады Павел Котов сообщил в Москву:

«На Н-ском аэродроме завершены войсковые испытания истребителя И-16 конструкции Н. Поликарпова Программа испытаний, рассчитанная на два месяца, была выполнена в течение девяти дней. Испытания проводил военный летчик А. Губенко, командир отряда, старший лейтенант. Лично им внесено несколько рационализаторских предложений по улучшению машины. Конструктор предложения одобрил и принял к производству.

Губенко А. А. — командир современной формации стахановец. Отлично пилотирует, воздушные бои — индивидуальные, групповые — ведет отлично. Стрельбы и бомбометание проводит на „отлично“, новую матчасть освоил в совершенстве. За короткий срок сделал 2146 фигур высшего пилотажа. Аварий, поломок и вынужденных посадок за годы летной работы не имеет... Летал на 12 типах самолетов, общий налет 884 часа, имеет 2138 посадок. Отличный парашютист-инструктор, имеет 77 прыжков, в том числе 23 прыжка экспериментальных и 2 ночных. Как командир подразделения создает условия для развития стахановского движения и перехода от отдельных стахановцев к ударным экипажам и стахановским подразделениям».

Командующий войсками Московского военного округа с демонстрационными целями посылает группу самолетов И-16 и отряд летчиков во главе с Антоном Губенко в перелет по маршруту Москва — Горький — Ленинград — Москва. Скоростной и маневренный истребитель у большинства летчиков вызывает восхищение. Но рядом с восторженной встречей летчиков, показывающих технику пилотирования нового истребителя, ползла недобрая молва о том, что на больших скоростях летать нельзя, самолет затягивает в штопор.

По просьбе управления ВВС РККА Наркомат авиационной промышленности разрешает Валерию Павловичу Чкалову совершить инструкторско-демонстрационные полеты по авиационным школам. О полетах в Качинской авиационной школе писали газеты:

«Курсанты, да и не только курсанты, но и искушенные в авиации инструкторы и техники, затаив дыхание и не отрывая взглядов от вращающегося самолета, с нескрываемым волнением на лицах следили за полетом Чкалова.

Выполнив каскад петель, бочек, иммельманов, переворотов и боевых разворотов, Чкалов низко пронесся над стоянкой самолетов. Пилотаж закончился. Развернувшись на 180 градусов, он стал планировать на посадку через ангары и приземлился у самого посадочного „Т“.

Выходя из пикирования, Чкалов пригибал траву воздушной струей, в считанных метрах над стартовой дорожкой пролетал вверх колесами, переворачивался, набирал высоту и снова шел навстречу земле. Казалось, летчик дразнил землю».

Жизнь складывалась так хорошо, что еще год назад невозможно было ее представить такой.

Отряд Губенко объявили отличным. Все летчики были объявлены стахановцами, награждены денежными премиями, аттестованы на внеочередное выдвижение.

У Губенко огромный авторитет, всеобщее признание. О нем пишут в газетах.

И вдруг...

Это случилось в середине второго дня недели, в три часа пополудни. Закончив разбор полетов и разъяснив задачи на предстоящие дни, Губенко разрешил летчикам и наземным специалистам завершить рабочий день. Неожиданно он увидел «эмку», мчавшуюся через аэродром к его звену. Что бы это значило? Уж не случилось ли что? Начальствующая машина, поднимая пыль, ехала с недозволенной для аэродрома скоростью.

Губенко, не ведая о причине столь неожиданного визита, попросил своих подчиненных не покидать аэродрома, быстро навести порядок на стоянке. Сам он отошел в сторону, снял комбинезон, отыскал фуражку, летную планшетку, поправил обмундирование, как всякий военный, испытывая волнение от приезда большого начальника, решительно шагнул навстречу неизвестности.

Машина остановилась на границе стоянки звена; приоткрыв дверцу, из нее, наклонившись, вышел начальник политотдела бригады полковой комиссар Котов.

Губенко доложил об итогах полетов, о завершенном рабочем дне.

Котов сердечно потряс руку Губенко, поздоровался с летчиками, извинился, покидая их, подошел к Антону:

— Гостя я вам привез, Антон Алексеевич, принимайте. От самого Алексея Максимовича Горького.

Дверца машины вновь отворилась, из нее, ступая с зыбкого пола машины, выпорхнул большеголовый человек в очках.

— Цитович, — сдержанно представился он.

— Губенко, Антон, — сухим кашлем зашелся командир отряда, виновато посмотрел на болезненно-усталое лицо комиссара.

— Надо ему создать условия, — назидательно сказал Котов, — повозить на самолете, домой пригласить, с Анной Дмитриевной познакомить. Хорошо, Антоша?

— Есть, товарищ комиссар! — Антон окостенело смотрел в недоуменные прищуренные глаза Котова.

— А-а! — комиссар засмеялся жидким прокуренным голосом, потерявшим четкость, возрастную грань. — Писатель это. Писать ему поручено. Хорошо написать, так, товарищ Цитович?

Цитович обременительно улыбнулся, двинул узкие плечи вверх.

— В моей эскадрилье есть летчики получше Губенко, — прозвучал грубый голос Курдубова. — Виноват. Командир эскадрильи майор Курдубов...

Котов всосал в рот губы, пожевал, помял и выплюнул их синими, натянутыми, как кожа барабана.

— Товарищ Цитович, можете работать. Товарищу Горькому скажите, что советские пилоты... одним словом, не подкачают. — Голос Котова обрел силу, был звонок, как верхние регистры старого инструмента. — Капитан Губенко, выполняйте распоряжение. Вам, товарищ командир, — обратился Котов к Курдубову, — надлежит прибыть ко мне через четверть часа.

Котов обвел взглядом замерших в оцепенении летчиков, покровительственно улыбнулся, и, не подав никому руки, сел в машину и уехал.

Курдубов не был сломлен беседой полкового комиссара Котова, своей вины не признал. В годовой аттестации на Губенко он писал:

«...По характеру болезненно впечатлителен и самолюбив, поэтому повторяются случаи невыдержанности и нетактичности по отношению к командованию эскадрильи, заносчивости перед товарищами по работе. В полетах проявляет воздушное хулиганство, что по случайности не стало тяжелым происшествием, нуждается в постоянном контроле...»

Командир авиационной бригады майор Константин Викуленко прочитал аттестацию и внизу, где положено производить запись выводов старшего начальника, написал: «С оценкой командира эскадрильи согласиться нельзя. Тов. Губенко сильно восприимчив и впечатлителен. Требует по отношению к

себе более гибкого и умелого подхода в руководстве, но это не всегда учитывает комэск».

Отношения с Курдубовым осложнялись каждый день. Отряду Губенко были занижены оценки сдачи зачетов. Некоторые летчики неожиданно получили взыскания, а сам капитан Губенко предупреждение.

Проанализировав положение в отряде, Антон написал командиру эскадрильи рапорт о причинах, мешающих отряду вновь стать передовым. Рапорт Губенко вызвал новую волну неприязни со стороны Курдубова.

Антон направил письмо комдиву Бергольцу. Он писал:

«Прочел аттестацию за период 1936 года и прошу ее пересмотреть. Написанная пристрастно, под впечатлением поданного мною рапорта о недостатках во взаимоотношениях и тормозе в работе отряда командиром части и личной неприязни ко мне...»

Антон вручил это письмо лично комдиву и просил вызвать для объяснения.

В феврале комдив Бергольц, подведя итоги социалистического соревнования на лучший отряд, определил первое место отряду Антона Губенко. В марте комиссар и начальник политотдела бригады возбудили ходатайство о награждении летчиков и техников орденами...

В мае 1936 года постановлением ЦИК СССР за выдающиеся успехи по овладению боевой авиационной техникой и умелое руководство боевой и политической подготовкой личного состава Антон Алексеевич Губенко был награжден орденом Ленина.

Постановление было передано по радио. Техник самолета, услышав это сообщение, подбежал к старту знаками показал Губенко: «Не взлетать».

— Поздравляю вас, командир, с награждением!..

Губенко наклонился к борту, выслушал молча, проявив величайшую выдержку. Махнул рукой — дескать, не задерживай вылет — и пошел на взлет.

Через полчаса о награждении Губенко знал весь аэродром. В воздухе, безграничной лазурной дали, Антон выдержку свою все-таки потерял и пилотировал в этот день, пожалуй, больше, чем в самые озорные дни в начале своей летной карьеры. Он выписывал самолетом по небу весьма замысловатые фигуры, выражая неудержимое чувство радости. Сестра писала Антону:

«Твой орден — это не только твоя, но и моя радость, носи его с честью, оправдай будущей работой. Я знаю — ты настойчив, упрям».

Дом Губенко наполнился шумом, людьми, поздравлениями.

Ему слали телеграммы, письма, запросы — тот ли это Губенко? Приезжали, заходили.

Поздравляли отовсюду. Из Качи, родного села, любимого Дальнего Востока — родные, друзья, стойкие единомышленники, безгранично поверившие в летный талант Антона, и те, кто никогда не понимал его мятежной и ищущей души.

Глава четвертая

...Уезжали днем. Предстоял долгий путь до Алма-Аты, а затем, покинув уютные вагоны пассажирского поезда, всем им, «искателям нелегких приключений», предстояло лететь на военных самолетах до первого китайского городка. Путь лежал в город Ханькоу.

На вокзале собралось много народу, и среди быстро движущейся толпы понять, кто уезжает, кто провожает, было делом сложным. Весь перрон будто хитроумным узором плели тихие пары, шумноголосые группы, митинговые толпы. Люди прощались. Напряженно смеялись, подавляя грусть, вздыхали, держались друг за друга, с невыразимой тоской, где-то на самом пределе, преданно, без утайки смотрели в глаза.

В конце перрона, за непробиваемой толщей людей, невидимый грянул оркестр, силясь в единоборстве заглушить висевший в воздухе гомон. И сразу, словно только и требовалось звякнуть литаврам, люди ускоренно и суетливо задвигались, женщины бросились в объятия, непреклонно солидные мужчины в военной форме отступили от входов в вагоны.

Женщины плакали, статные мужчины в диагоналевых костюмах деланно улыбались; весеннее солнце шпарило на всю мартовскую мощь, золотило окна вагонов, заливало людей ярким, слепящим светом, крыши домов делало мокрыми, а тротуары неровными, изрезанными витиеватыми дорожками юрких ручьев.

Никто не хотел говорить о возможной беде, горе: летчики ехали не на прогулку, а воевать; спустя несколько месяцев, когда родственники приедут встречать их на вокзал, многие к ним уже не вернутся.

Антон Губенко силился развеселить жену, говорил ей какие-то смешные вещи, а Анна Дмитриевна окаменело смотрела на мужа, не выражая замершими глазами отношения к его словам, не понимая суетности людей. Помимо ее восприятий, жили боевая маршевая музыка, желтое месиво неба, зеленое тело железнодорожного состава и еще что-то тревожное, сиюминутное, могущее отнять у нее мужа.

Анна Дмитриевна встретила известие об отъезде Антона внешне спокойно. Что она могла поделать с ним? Он рвался в Испанию, теперь уезжает в Китай.

— Моим, Аннушка, ничего не пиши, — говорил деловито Антон, как тренер, наставляющий бегуна на старте. — Письма я не любил писать, они знают. Для Кирочки ничего не жалей. Себе прикупи нарядов. На лето поезжай к маме...

— О чем ты говоришь, Антон? — воскликнула Анна Дмитриевна. — Какие наряды? Ты уезжаешь воевать, а я — наряды...

— Не воевать, а помогать, обучать, выполнять свой интернациональный долг.

— Не все ли равно, как назвать это? В вас будут стрелять!

— Со мной ничего не случится. Верю в себя, в свой самолет, вернусь невредимым. Только, пожалуйста, жди.

Действительно, все началось неожиданно, как в приключенческом романе или детективном фильме.

Были отменены полеты. Летчиков построили на аэродроме. Начальник штаба зачитал по списку несколько фамилий и просил тотчас прибыть в штаб. В классе предварительной подготовки собирались летчики, военетехники и с деловой сосредоточенностью рассаживались на жесткие стулья. По напряженности, создавшейся в комнате, командиры понимали, что собрали их по важному поводу. Переговаривались вполголоса. Почему такая торопливость: отменены полеты? Почему секретность — проверили у всех документы?

Вошел незнакомый полковник в сопровождении командира эскадрильи Курдубова, начальника штаба, старшего лейтенанта Андреева.

— Товарищи командиры! — сказал полковник. — Мне поручено вам объявить о том, что Советское правительство приняло решение оказать помощь народу Китая в борьбе с японскими захватчиками. Мы поставим китайским друзьям самолеты, танки, автомобили, пулеметы, винтовки. Мы получили задание направить в Китай летчиков, военетехников, мотористов, которые изъявят желание поехать добровольно. Я объявляю присутствующим: кто желает поехать, может написать рапорт и передать по команде...

Капитан Губенко встал первым:

— Прошу записать меня!

— Не торопитесь, Губенко, — сказал Курдубов. — Посоветуйтесь дома. Утром скажете.

— Мое мнение не изменится, — твердо и решительно, как обычно, сказал Губенко.

Убеждать никого не приходилось. Все летчики давно знали, что китайский народ ведет освободительную войну с японскими захватчиками, что Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, оказывает бескорыстную помощь Китаю. Слышал об этом и Антон. В 1937 году, когда группа советских летчиков-добровольцев готовилась к поездке в Испанию, очень хотел поехать и Антон, но туда Курдубов ему не

разрешил. А как будет на этот раз?

— Хорошо, Антон Алексеевич, — хмурясь, сказал командир. — Без желания отпускаю. Препятствовать не могу.

Три дня на сборы. Ведь это так много. Но когда готовишься ехать в далекую, незнакомую страну, когда предстоят воздушные бои, тогда это мало. Что за чертовщина, из головы не выходит Курдубов? Теперь ему будет легко. Непослушный командир отряда уезжал.

Курдубов тоже думал о Губенко. Незаурядный летчик, одержимый человек этот Губенко. Целеустремленный. Курдубов сразу увидел в нем личность и признал за ним право на эксперимент, на открытия. Он хорошо понимал, что Губенко — новое явление в авиации, начало или конец его, Курдубова, карьеры. В руках командира был прекрасный материал, и, владея им, он испытывал творческое наслаждение, вдохновенную радость и командирскую робость. Ах, как этого не может понять Антон! Ведь все он, Курдубов, делал в его интересах, сдерживал или ругал, поддерживал или выдвигал. Он опекает его, оберегает его для больших и важных свершений.

Курдубов, пожалуй, первым понял, кто есть Антон Губенко, понял и сохранил свое непримиримое отношение к его возвеличиванию и почти полное внешнее равнодушие к опытам в воздухе. Он, как скульптор, делал из Антона произведение, которым — будут восторгаться в будущем. Но сейчас он не хотел ни признавать, ни поощрять Губенко. Теперь, когда Курдубов наконец осознал, что завтра Антона не будет, что не будет его на утренней поверке, не придет он и на полеты, он вновь пожалел, что не задержал, не воспрепятствовал его отъезду. Губенко был ему нужен. Своими творческими поисками, бесстрашием он увлекал за собой людей, вселял уверенность в новую технику, был образцом для подражания. Молодые летчики его любили, старшее поколение пилотов уважало.

За эти три предотъездных дня Губенко тоже много передумал о своей жизни, о том, что ему удалось и что не удалось осуществить. Он был доволен летчиками своего отряда, дорожил ими, выдвигал их, аттестуя, он помогал им расти, получать большие должности, ибо только на просторе птица может расправить свои крылья.

1937 год прошел быстро, стремительно, как экспресс мимо полустанка. Антон сам много летал.

Одного из своих подчиненных, Григория Кравченко, рекомендовал в летчики-испытатели и уже слышал о нем сак о результативном пилоте. Антон поддержал Бориса Смирнова в его стремлении поехать в Испанию. И хотя самого Антона

Алексеевича в Испанию не отпустили, он верил, что боевой дух напористости увезет на Испанский фронт Борис Смирнов...

Много раз он встречался с Валерием Павловичем Чкаловым, бывал с ним в Доме работников искусств. А вот от Анатолия Константиновича Серова, который воевал в Испании и довольно удачно внедрял свои новые тактические приемы, вестей не было... Серов для Антона был и другом, и наставником, и не отказывал ни в какой помощи...

Серов вернулся из Испании совершенно неожиданно, он стал Героем Советского Союза; узнав об отъезде Антона в Китай, приехал попрощаться с другом.

Среди множества дел, доведенных до конца или так и не состоявшихся, Губенко вспомнил о литературном груде Цитовича. Да, да, есть такой литератор Цитович, который интересуется летной судьбой Губенко. И комиссар Котов тоже продолжал интересоваться их литературным трудом, торопил, настаивал на быстрейшем завершении очерка — или чего там получится...

Цитович приезжал почти каждый день, ходил, наблюдал, восхищался виртуозностью пилотажа Губенко, говорил комплименты летчикам, но ничего не писал.

В один из дней Цитович извинился и сказал, что написать очерк о Губенко не может, что это не его направление, распрощался и уехал. Антон очень смеялся: отказ Цитовича его не обидел. Не может так не может. И даже стал забывать о литераторе, как вдруг позвонил Чкалов. Валерий Павлович рассказал, что был у Алексея Николаевича Толстого и стал свидетелем, как тот ругал Цитовича. Чкалов против обыкновения своего не торопился и подробно передавал разговор Толстого с Цитовичем.

Толстой говорил Чкалову, что «сей отрок» не может написать очерк об Антоне Губенко. Потом обратился к Цитовичу, говоря, что большевистской прессе нужны личности, яркие, выдающиеся индивидуумы. Партия воспитала тысячи, сотни тысяч новых героев, и народ должен знать о своих героях воздушного флота. Сегодня они рекордсмены, а завтра бойцы. Фашизм уже утвердился в Европе. Как знать, эта ползучая тварь не захочет ли завтра захватить территории Азии, Америки, а может быть, и Африки. Чкалов тогда заметил Толстому, что, мол, лучше бы не разносить литератора, а похвалить его, потому что он реально оценивает свои силы, понимает, что не может исполнить задание. А Толстой рассердился и заявил Чкалову: «Нет, нет, нет, дорогой Валерий Павлович, идите сюда, и вы тоже, голубчик Цитович, идите!» — и он подвел Чкалова и Цитовича к окну и показал им улицу. А там — люди, машины. Удивленный Цитович напряженно

думал, морщил лоб, спросил: что, мол, там такое? А Толстой: «Как что? Вы не можете понять их, новых людей. А нам и не надо поверхностное описание жизни командира Красной Армии. Нам нужна его внутренняя суть, психология, мотивы, побуждающие идти на риск в полете. Вы будете писать, вы должны писать. Идите!»

— Вот так, Антон! — закончил рассказ Чкалов. — Ты, Антон, помоги этому литератору. Помоги! Разъясни этому Цитовичу, что можно и нужно написать. Или расскажи все, что надо, а он уж пусть литературно обработает.

Губенко выполнил просьбу Чкалова. Он охотно рассказывал о себе и своих товарищах, а также и Дальнем Востоке; Цитович об одном и том же переспрашивал по нескольку раз, а Губенко терпеливо повторял и разъяснял непонятное. Иногда отвлекались от записи.

— Тяжело? — спрашивал Антон...

— Ничего, это наш труд, — говорил Цитович. — А разве летать легче? Совершенствуется и ваш и наш труд, но значительно быстрее усложняется ваша профессия. Наверное, это очень приятно, радостно, что ли, чувствовать свою сопричастность к гигантскому делу, к свершению великого?

— Конечно, — отвечал Губенко, — но я не фетишизирую ни одну из профессий. В каждой можно достичь многого. Дело в человеке, в его отношении к своему труду...

Через несколько дней очерк был написан, и автор приехал с обработанной рукописью. Антон читал вслух, ему нравился очерк, хвалил Цитовича. Но когда перевернул последнюю страницу, увидел свою фамилию.

— Что это? — удивился Антон.

— Подпись автора...

— Но автор не я, а вы!

— Не могу быть автором, — упрямился Цитович. — Я практически ничего не сделал. Это записи вашего рассказа.

— Не надо со мной ссориться. Ведь я могу вам еще пригодиться. Вы — автор, — твердо объявил Антон.

— Антон Алексеевич!.. Моя честь...

— А моя честь? Я летчик, военный человек. Вы удостоили меня чести написать обо мне и... Аня, почему у нас ничего нет на столе? Наконец, я могу когда-нибудь выпить. К тому же повод какой! Понимаете ли вы, товарищ Цитович, какое большое дело сделали. Авиация вам будет очень благодарна...

Утром следующего дня Цитович положил рукопись на стол А. Толстому. Прочитав очерк, он одобрительно посмотрел на нервного Цитовича, и собственноручно написал: «А. Губенко, Е.

Цитович».

— Спасибо, голубчик, не обманули ожидания. Как жаль, что Алексей Максимович уже не узнает об этом.

...И все это уже в прошлом, стало историей.

Паровоз дал долгий, протяжный гудок. Антон поцеловал жену, дочку, грустно им улыбнулся и вскочил в вагон. Поезд медленно набирал скорость, устремляясь на юг.

Летчики устраивались в вагонах, готовясь к долгому пути. Деловая жизнь не прекращалась. Четкий распорядок дня предполагал занятия, учебу, самостоятельную работу командиров. Вместе с ними ехали представители Наркомата иностранных дел, Наркомата обороны, управления ВВС РККА.

Представитель Наркомата иностранных дел, высокий, неопределенного возраста мужчина, с густыми седыми волосами, приятной наружности, рассказал летчикам о прошлом Китая, о тех отношениях, которые сложились между Советской Россией и Китаем после Великой Октябрьской социалистической революции. Губенко с жадностью слушал, о чем говорил этот дипломат, проживший много лет в Китае. Сейчас он ехал в соседнем вагоне, и Антон подумал о том, что их будут экзаменовать. Вообще вся подготовка добровольцев складывалась, как думал Губенко, из трех самых важных этапов. Первое: рассказать летчикам, как развивались отношения между СССР и Китаем. Второе: дать характеристику нынешней военно-политической обстановки, помочь разобраться в современном положении страны. И третье: сообщить все, что известно о противнике, о военных силах японской империи, сосредоточенных в Китае.

Новая веха в историческом развитии Китая началась после Великой Октябрьской социалистической революции.

На пятом съезде Советов 4 июля 1918 года народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин заявил:

«Мы уведомили Китай, что отказываемся от захватов царского правительства в Маньчжурии и восстанавливаем суверенные права Китая... Мы готовы отказаться от тех контрибуций, которые под разными предлогами были наложены на народы Китая, Монголии и Персии прежним русским правительством...»

Президент Китая доктор Сунь Ят-сен в телеграмме Ленину писал:

«Революционная партия Китая выражает глубокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия вашей страны, и выражает надежду, что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы».

Революцию невозможно совершить кучкой, группой людей. Нужны единомышленники, соратники, бойцы, массы.

В ноябре 1922 года глава советской дипломатической миссии А. А. Иоффе встретился с доктором Сунь Ят-сеном, у них была продолжительная беседа. Доктора интересовали союзники большевиков по революции, структура власти, соотношение государственных и партийных органов, организация армии. Сам он рассказывал советскому гостю о желании реорганизовать Гоминдан по образцу большевиков, иметь союзников в лице крестьян и рабочих, о намерении послать в Москву военно-политическую делегацию, договориться о помощи.

— Наши взоры устремлены на Россию, — говорил Сунь Ят-сен. — Отныне, если не следовать примеру России, революция не сможет быть успешной... Мы должны учиться у русских. Если наша партия не будет учиться у русских, она не добьется победы...

В октябре 1923 года в Кантон прибыл Б. А. Бородин, назначенный по просьбе Сунь Ят-сена политическим советником Гоминдана. Бородин, член партии с 1903 года, авторитетный государственный и политический деятель. Сунь Ят-сен ждет новых советников, которые помогут ему реорганизовать Гоминдан. Чтобы продолжать революцию, нужна политическая партия, тесно связанная с народом. В ноябре 1923 года Сунь объявляет о реорганизации Гоминдана.

Сунь Ят-сен за союз с Советской Россией, за участие в Гоминдане китайских коммунистов.

В разработке документов съезда Гоминдана активное участие принимает Бородин.

В мае 1924 года военным советником президента Китая становится комкор Павел Андреевич Павлов — талантливый советский полководец, беззаветно храбрый, высокообразованный человек, владевший пятью иностранными языками. Павлов разрабатывает мероприятия по реорганизации армии, помогает создать Совет обороны. В июле 1924 года состоялось первое заседание Совета обороны, обсудившего предложения Павлова. Без каких-либо поправок Совет обороны утверждает предложения Павлова. Сунь Ят-сен доволен помощью своих советников. Павлов становится близким другом президента. Сунь Ят-сен тогда не знал, что через несколько дней голубоглазый русский генерал погибнет. Глубокая скорбь ляжет на плечи президента. По его приказу похороны Павлова превратятся в день национального траура. На парламентской площади Кантона состоится прощание с Павлом Андреевичем Павловым.

Сунь Ят-сен произнесет речь:

«Небо создает таланты для служения человечеству. Генерал Павлов — храбрый, благородный, был героем многочисленных сражений. Он пришел, чтобы помочь Китаю, как солдат и ученый. Он стал излагать свои планы, обнаружившие его дарование. Какая трагедия, что он погиб в то время, когда все ждали, что он доведет до конца свою исключительную работу! Наша печаль так же велика, как обширен мир вод, в которых он утонул. Да будет его героический дух вдохновителем для нас и грядущих поколений».

В адрес Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Сунь Ят-сен направит телеграмму:

«Глубоко горюю о потере генерала Павлова, который является первой жертвой России ради Китая в его борьбе за свободу. Этот храбрый сын нашей соседки республики недаром отдал свою жизнь. Он этим теснее связал отношения между Россией и Китаем...»

В 1925 году Сунь Ят-сен скончался. Совершив военный переворот, к власти пришел Чан Кай-ши.

В 1929 году, подстрекаемый империалистическими державами, он расторгнул дипломатические отношения с СССР, пригласил в страну иностранных военных советников и развязал войну с национально-патриотическими силами.

В 1932 году благодаря усилиям, предпринятым Советским Союзом, отношения были восстановлены.

В июле 1937 года Япония вероломно напала на Китай. Оказывая слабое сопротивление, неся огромные потери, Китайская армия стремительно отступала в глубь страны. Раздираемый внутренними междоусобными войнами, Китай не мог противостоять мощной, хорошо вооруженной японской армии. В августе 1937 года правительство Чан Кай-ши вынуждено было пойти на переговоры с СССР, рассчитывая на его военную помощь.

К этому времени обстановка на японо-китайском фронте складывалась для войск Чан Кай-ши крайне неблагоприятно...

Антону открылась неизвестная ему страница истории китайского народа, удивительные факты и судьбы, события китайской революции.

Конечно, роль Антона будет скромной в этой войне: воевать, летать, обучать; выведенная им формула казалась незначительной.

Глава пятая

Казалось, путь Москва — Алма-Ата будет вечным и они, советские военные добровольцы, никогда не доедут до далекого Китая. Страна расстелила рельсы на многие километры, перетянула их через несколько часовых поясов, климатических зон.

Проскочив сотни километров, пройдя ночь, как тоннель, поезд стремительно ворвался в солнечное утро.

Бурное таяние снега, великолепная игра солнечных бликов, голубой воздух, окутавший все вокруг от земли до неба, который можно было вдыхать, наслаждаясь ароматом земли и снега, кусать, как слоистый пирог, размахнувшись, пронзать мускулистой рукой.

Эта весна была как все весны этого века: с хрустальными сосульками, раскрепощенными деревьями, серыми плешинами оттаявших бугров, ноздреватым снегом, полными талых вод оврагами, трелями вертких птиц.

Но эта весна была и другой. При всей повторяемости природы, ее гармонических циклах, она всегда разная для человека. Не повторялась она и для Антона Губенко. В познании ее были своеобразные ступени. Он познавал ее чувством, разумом, а потом и возрастным опытом, соединившим все ипостаси человеческих ощущений.

Антону было радостно, что была весна, что он ехал на трудное дело, романтическое и опасное, что рядом были прекрасные люди.

Высокий худой полковник, с обожженным правым ухом, голубыми усталыми глазами, говорил о военно-политическом и стратегическом положении воюющих сил Китая.

«Военно-воздушные силы Японии, — говорил глухим голосом этот бывалый авиатор, прошедший все тернии воинской службы, продутый холодными ветрами многих аэродромов, — по оценке иностранных специалистов, имеют 1206 летчиков, вооружены самолетами И-96, И-97, И-98. Их можно поставить на шестое место в капиталистическом мире. Структура авиационного полка...»

И он говорил о том, чего не знали капитан Губенко, его товарищи, но теперь, став добровольцами, обязаны были знать.

Советские добровольцы по просьбе китайского правительства должны были обучать национальные авиационные кадры, с этой целью в Китае открывалось несколько летных и технических школ. Инструкторами становились советские авиаторы. Так

замышлялось. Но человек предполагает, а обстоятельства располагают. Война нещадно ломала установки, вносила свои коррективы, неожиданные и опасные. Никто не знал, что ждет их впереди, жили ожиданием встречи с культурой другого народа, жаждали проявить свое мужество, чтобы помочь Китаю...

В Алма-Ате летчиков радушно встретил хлебосольный «начальник воздуха», командир авиационной базы Адам Залевский. В недавнем прошлом он летчик-испытатель, бесстрашный исследователь и экспериментатор, друг Чкалова, списанный с летной работы после очередной аварии, просит направить его на самое трудное дело, но обязательно в авиацию. Создать в короткий срок авиационную базу, способную бесперебойно снабжать китайскую армию вооружением, техникой, боеприпасами было фантастически трудно.

Залевский, с головой уйдя в работу, сумел организовать людей и создать постоянно действующий аэродром. Стеснительный в поведении, обязательный в своих обещаниях, Адам Залевский уже на следующий день экипировал добровольцев, подобрал лучший экипаж на ТБ-3 (тяжелый бомбардировщик конструкции А. Н. Туполева) и, невзирая на начавшуюся пургу, сумел обеспечить безопасный взлет. Обстановка требовала риска: летчиков ждали в Китае. ТБ-3, пробив серую облачность, взял курс на Ланьчжоу.

Через несколько часов утомительного перелета наши летчики приземлились в Ланьчжоу, пересели в автобусы и пустились в новое нелегкое путешествие по бездорожью. Теперь путь лежал в город Ханькоу — временную базу советской авиации, подвижную столицу фронтового Китая.

Перед взором Антона Губенко проплывали серые угрюмые земли истощенного многолетними войнами Китая, нищенские деревни, рахитичные дети с усталыми пугливыми глазами, худыми руками, протянутыми к взрослому с просьбой о хлебе.

К вечеру, преодолев сотни километров, летчики прибыли в конечный пункт назначения.

У городских ворот советских добровольцев ждали государственные и военные руководители Китая, представители советского посольства, военный атташе полковник Жигарев; встречали в полном соответствии с протоколом, соблюдая дипломатический этикет.

После долгой официальной церемонии приветствия — витиеватых речей, двусмысленных обещаний и закамуфлированных посул, после исполнения гимнов — советские летчики попали наконец-то в могучие объятия своих коллег, прибывших несколько раньше.

Чувство Родины... Все здесь ожидали вестей: «Как там дома?» Каждому хотелось расспросить приезжего, узнать новости, получить письмо. Никто из ветеранов-добровольцев не жаловался на свою судьбу, не проявлял растерянности, уныния, каждый жил законами военного времени, интересами своей Родины, скучал, конечно, по ней, мечтал о возвращении. Но все хранили в сердце столько тепла и любви к своей стране, что, боясь быть уличенными в сентиментальности, молчали об этом, ждали своего времени на персональное внимание.

Антон Алексеевич заинтересовался пейзажем. Смотрел на высокие пирамидальные горы, на снежные вершины, укрывающие свои верхушки в дымчатых облаках, на перевал, за которым была его страна. Горы были так величественны и неприступны, что казалось, никогда не откроют они обратного пути.

Праздничный обед, устроенный в тихом красивом саду, велеречивые тосты, ответные речи затянулись до позднего вечера.

Антон устало смотрел на людей, сидящих за длинным праздничным столом, заставленным по-восточному красивой посудой, узнавал советских советников по их скромному штатскому костюму. Поражался нарядности китайских военачальников, украсивших свои мундиры многочисленными орденами, нашивками, вензелями. Речи хозяев были высокопарными, длинными, непрограммными, и очень трудно было понять, о чем они говорят. Тема войны, идеи освобождения страны от оккупантов и борьбы с нищетой, бедствием народа никем не затрагивались. Они говорили о величии древней истории и заслугах предков, превозносили департаменты, во главе которых стояли, части, которыми они командовали. Со стороны могло показаться, что эта встреча носит временный характер, что люди здесь не связаны общностью борьбы, помыслами изгнания захватчиков.

Полковник Жигарев, информированный о сложной обстановке в стране и отношениях между военной элитой и административной верхушкой, четко, с дипломатическим тактом, присущим его необычному положению, говорил о роли военных советников.

— Мы хорошо сознаем трудности борьбы. — Жигарева слушали внимательно. На него смотрели как на официального представителя правительства, излагающего его взгляды. Заявление военного атташе можно принять к сведению, можно опротестовать. — Нелегок путь, на который ступил Китай, но он ведет к национальному объединению, подъему экономики, повышению жизненного уровня народа. СССР — ваш союзник... Мы отдадим свои силы, знания подготовке ваших военных кадров

для вооруженной защиты вашей страны.

Полковник Жигарев не говорил о том, что эта борьба потребует жертв, гибели людей, в том числе и наших военных специалистов, но он знал об этом.

Прием затянулся. После него летчики возвратились в одноэтажный дом-гостиницу. Пять минут для перекура, обмена впечатлениями. Душная ночь. Сменили рубашки и занялись делом. Командир авиационной группы Алексей Благовещенский сообщил, кто закреплен в каком экипаже, о боевом расчете, о действиях по боевой тревоге, об особенностях местного рельефа.

Вновь появившийся полковник Жигарев кратко информирует об обстановке. Разговор длится почти всю ночь; никакой скидки на тяжелую дорогу, на усталость первого дня и на утомительность приема. Здесь фронт.

Советские летчики приехали переучивать китайских, но если... если японцы будут бомбить аэродромы, на которых расквартированы советские пилоты, надо защищаться. Составляются учебные группы и боевые расчеты...

Приближалось утро... Выступил батальонный комиссар Андрей Рытов, он же главный штурман. Невысокий, с напряженным взглядом серых глаз под могучими бровями, он говорил о необходимости информировать о политической обстановке в стране... Его рассказ — о Чан Кай-ши.

Губенко слушает внимательно, силится запомнить фамилия, даты, и ему не сразу это удается. Он достает блокнот, карандаш, чтобы записывать выступление, но Рытов замечает ему:

— Записывать не надо, Антон, запоминай!..

Губенко хотел возразить, но никто не записывал. И он запоминает...

— После смерти Сунь Ят-сена фактическим правителем Китая стал Чан Кай-ши. Но удержаться у власти труднее, чем ее взять. Нужны дипломатия, маневры, союзники. Чану не доверяют, его сторонятся, его не признают, и он ищет выход.

Ловкий и предприимчивый, Чан Кай-ши, стремясь восстановить собственный престиж, обращается к спасительному имени первого президента народного Китая Сунь Ят-сена. Китайцы любили Сунь Ят-сена, называли его учителем. Сунь — эталон политического лидера в Китае. Раз так угодно народу, то Чан будет новым Сунем. Президенту доверяли русские, они называли его товарищем. Пусть будет так, как хотят могущественные русские, пока пусть. Чан многолик.

Сунь Вэнь, приобретя всемирную известность как политический деятель, став президентом Китая, нарекает себя именем Сунь Ят-сен. Бывший начальник военной школы Вампу

Цзян Чжун-чжэн объявляет себя учеником, последователем великого учителя и отныне тоже подписывается новым именем — Чан Кай-ши. В этом, видимо, тоже есть своя историческая закономерность, а не жалкое подражательство, как пишут газеты.

Первого сентября 1917 года чрезвычайная сессия парламента утвердила Сунь Ят-сена генералиссимусом всех военно-морских и сухопутных сил Китайской республики. По примеру учителя Чан Кай-ши собирает чрезвычайное заседание Гоминдана и добивается утверждения себя в звании генералиссимуса. Честолюбие удовлетворено. Но аппетит приходит во время еды...

В 1919 году китайцы, проживающие в Канаде, узнав о мытарствах отца Китайской революции, купили ему на собранные деньги небольшой двухэтажный, в пять комнат, дом в Шанхае. Дом Сунь Ят-сена всегда был открыт для всех. Уж таков Сунь.

Утвердившись на всех высших постах в Китае, Чан Кай-ши тоже приобретает в Ханькоу двухэтажный дом. Правда, в нем двенадцать комнат; четыре Чан отводит под личные апартаменты, остальные — под приемные, охрану, секретариат. Такая параллель симптоматична. Потеряв одного отца, Китай приобрел другого.

Жена Сунь Ят-сена, красивая Сун Цин-лин — его боевая помощница, участница всех съездов и заседаний Гоминдана. Жена Чан Кай-ши, очаровательная Сун Мей-лин, негласно опекает армию, вмешивается в военно-торговые закупки, является фактическим руководителем Военно-авиационного комитета. Она позволяет себе иногда лишь советоваться с его председателем Цянь Да-цзюнем.

Если власть не дают, ее приобретают.

Великих роднит сходство.

Чан внешне похож на Суня. Сунь был худ, не курил, не пил, он одевался просто, быстро устанавливал контакты с людьми, он не носил никаких отличительных знаков. Много работал. Сунь был спокоен, сдержан в любой обстановке. Чан раздражителен, большим усилием воли сдерживает нервные вспышки, иногда ему удается искусно скрыть свое настроение, но постоянное напряжение очень его утомляет, он становится болезненным. Для вождя внешний вид важен, как новые идеи.

На одном из банкетов Чан великодушно объявил о награждении советских советников орденами...

Чан — психолог, политик, стратег. Он знает, что все люди слабы, любят секреты, и потому доверительно говорит о китайских наградах... руководителям Красной Армии. Тишина. Недоумение. Настороженность. К чему такая таинственность? Хорошо, цель достигнута, люди теряют ориентацию, их умы

загружены новыми фактами.

Да, да, он, Чан Кай-ши, обращается к советским руководителям со словом «товарищ». Ему это ничего не стоит, но ему необходимо доверие. Война войной, но ему нужна власть. Он умеет ценить и своих людей. Он награждает и Цянь Да-цзюня — начальника Военно-авиационного комитета. Советские товарищи доверяют ему, он стремится к союзу с ними. Советские теперь больше будут доверять и Чану.

Цянь Да-цзюнь, присутствующий здесь же, склоняется в восточном поклоне. Действительно, он верен советским, считает их надежными союзниками. В своем комитете он проводит честную линию торгово-экономических контактов с русскими и настаивает на новом заказе советских самолетов. Цянь хорошо знает авиацию, квалифицированно убеждает китайское правительство в преимуществе советских аэропланов. Чан искренне восхищается председателем комитета, доверяет ему. Пока доверяет. Через несколько месяцев он, вероятно, его уберет, но пока награждает орденом.

Чан хочет объявить и о том, что он награждает орденом и командующего авиацией Мао Бан-чуна, поднимает вверх худую желтую руку, устало вскидывает на него глаза, но передумывает. Слишком много сразу, так можно лишиться доверия. Мао Бан-чун военный летчик, несколько лет провел в СССР, хорошо знает принципы доктора Суня, активно их пропагандирует. Призывает учиться у советских. Чан устало опускается. Только бы не переиграть. Все правильно, сегодня все правильно. Но нервный тик... Ах, черт, возраст, усталость, дает себя знать политическая борьба.

Свои впечатления о Чан Кай-ши лектор умеет рассказать. Комиссара Рытова слушают с большим вниманием. Его личные встречи с правителем Китая и впечатления от них легли на прочные знания действительного положения в Китае.

Заканчивая беседу, Андрей Герасимович почесал в задумчивости затылок и, улыбаясь, сказал:

— Вот, кажется, и все, с чем я хотел вас познакомить. Спать еще рано. Посмотрите восход, ведь здесь край восходящего солнца. Спокойного утра вам, если, конечно, оно таким будет...

Ночь заглушила неумолчно гудевший аэродром, звуки национальных музыкальных инструментов, далекое горное эхо. Она приносила прохладу, ощущение какой-то отчужденности. Все уже утомились. Но комиссар Рытов усилием воли возвращает себе бодрость, оптимизм, даже некую игривость, свойственную людям сильным и целеустремленным, продолжает шутить, заражая юмором и всех других. Антон Губенко чувствует себя

превосходно. Он даже удивляется, что ему не хочется спать.

Утро спокойным не оказалось. Засыпая, Губенко услышал крики и взрывы. Бомбы падали рядом, крушили дома — вероятно, их сбрасывали на гостиницу, но промахнулись. Антон выскочил из постели, задирал голову, щурил глаза, пытаясь в густой путанице солнечных потоков отыскать неприятельские самолеты. Они появились неожиданно, зловеще рыча моторами, перерезав тугие золотистые струи, посыпали землю многочисленными бомбами.

В грохоте взрывов, как далекий полуреальный шелест, Губенко услышал единственно запомнившееся ему китайское слово:

— Тим-бо! Тим-бо!

Ясная и короткая, как вспышка, мысль тут же пронзила его тело: тревога!

К этому одинокому голосу присоединились другие, тонкие, плохо различимые женские и мужские, детские и стариковские. И во всем этом многоголосье Антон уловил русские слова.

Губенко быстро оделся, осторожно вышел в холл, прислушался. Через окно он видел, как пугливо, поглядывая на безоблачное небо, бежали люди. Где-то слева, тонко вонзаясь в жаркое небо, заголосила сирена. На сигнальной мачте взвился красный флаг. В холле появились заспанные летчики, неумело оправляя на себе штатские костюмы, разбуженные не криком, а каким-то тревожным предчувствием. Послышался шум машин.

Вот так начинаются войны. Нет, так началась война для них, вчера приехавших советских авиаторов. Во сне Губенко уже видел войну, какова же она наяву?

Снова послышался свист падающих бомб. Он машинально прыгнул в проем двери и упал в кювет; и тут же раздался взрыв, посыпались стекла, комья земли забарабанили по крыше и обрушились на спину Антона. И тотчас стало тихо. Никто не кричал, не звал в убежища, не выла сирена. Антон встал из кювета и расправил отекшую спину; он увидел покореженный автомобиль, опрокинутый на бок, и в метрах двух-трех ткнувшегося ничком мужчину, тенниска его со спины набухала кровью. И только в этот момент он понял, как близко он был со смертью, и непонятное чутье помогло ему выскочить из гостиницы до того, как в нее угодила бомба. Он побежал в поле. Взрывов он не слышал, но видел взметнувшийся перед ним огромный фонтан земли, отбросивший его назад. Губенко упал на правый бок, и в этот момент ему показалось, что земля вздыбилась, наклонилась и он покатился.

Минут тридцать спустя он пришел в себя, встал, осмотрелся:

ссадины на руках, разорваны брюки, рубашка в зеленых пятнах. Руки-ноги целы. Да... Бомбят не шутя. Ему показалось, что он испугался, что даже струсил. Так ни за что ни про что, не сделав ни единого выстрела, он мог погибнуть. Вокруг никого не было. Гостиница — экзотический одноэтажный дом — набухала дымом, маячила вдали. По высокой мачте с цветным конусом Антон определил место расположения аэродрома и, понуря голову, направился туда.

Алексей Сергеевич Благовещенский стоял в кругу летчиков и что-то показывал руками. Антон Алексеевич хотел подойти незамеченным, крадучись приблизился, но тут его окликнули. Благовещенский, невысокий, круглолицый, с озорным блеском больших глаз, не желая делать паузу, махнул рукой, подзывая к себе:

— ...Одиннадцать минут на подготовку. Первый завтрак у самолета, второй после боя. — И повернулся в сторону Губенко. — Антон, идешь со мной в паре. Второй твой вылет с Кравченко.

Через несколько дней станет известно о том, что японское командование по разведывательным каналам получило донесение о новом пополнении китайских ВВС, решило, используя внезапность, ударить одновременно по всем аэродромам. Китайцы проявили благодушие, предложение наших советников подготовиться к возможному налету японцев оставили без внимания. Но неугомонный Благовещенский на своем аэродроме приказал рассредоточить самолеты, подготовить их к взлету со стоянки. Проведя инструктаж прибывших летчиков, создав боевые расчеты, он не ушел спать, а, отобрав самых подготовленных летчиков, занял место в кабине истребителя.

Благовещенский был летчиком-испытателем, имел огромный налет, знал многие самолеты мира, летал на всех типах советских машин. Здесь, в Китае, во всей широте проявился его блестящий воинский талант командира-организатора, человека с широкой тактической эрудицией, умеющего предвидеть развитие боевых действий и способного навязать свою инициативу противнику. Он был опытен, храбр, изобретателен... Китайские руководители уважали его и почти всегда прислушивались к его советам.

В это раннее утро японская авиация весьма ощутимо потрепала китайские войска. Не было потерь лишь у предусмотрительного Благовещенского.

Сейчас, находясь на командном пункте, Благовещенский ждал повторения налета, и действительно, японские бомбардировщики появились в небе. Они шли на небольшой высоте четким, почти парадным строем. Филигранное искусство коллективного вождения тяжелых самолетов справедливо

вызывало зависть у многих авиаторов. Умение водить большие группы стало демонстрационным фарсом, выработало стереотипную тактику... Это и учел в своем расчете Благовещенский...

Он дал команду на взлет. Наши истребители поднялись в небо и стремительно атаковали неприятельский строй, завязали воздушный бой.

Неожиданно ослепительная ярко-желтая вспышка озарила небо. Взорвался японский бомбардировщик. И тотчас, словно это было сигналом к боевой атаке, сверху на бомбардировщики свалилась новая группа истребителей И-16. Замысел Благовещенского был верным. Своей стремительностью наши истребители ошеломили японских летчиков, и те, видя безысходность своего положения, стали уходить восвояси.

Антон Губенко видел, как загорелся еще один японский бомбардировщик, как он свалился на правое крыло и в плавном скольжении, не имея сил развернуться, прочерчивая небо черным густым дымом, пошел к земле. В черной мгле, пробивая ее плотность, вырываясь из ее непроглядности, выкинулся белый купол парашюта. Видимо, отчаявшись выбраться из самолета, японский летчик открыл парашют в надежде, что это вырвет его из кабины. И действительно: на стропах висел человек. Он спасался на парашюте, а Губенко на какое-то мгновение раздумывал, как поступить ему с этим японским летчиком; но тотчас увидел — купол парашюта вспыхнул злым синим пламенем.

Японский летчик беззвучно и обреченно падал. Судьба до конца распорядилась его жизнью.

Бомбардировщики еще кружились в воздухе, ошалело рокоча моторами, захлебываясь пулеметными очередями, но постепенно уходили дальше от аэродрома.

...После завтрака Благовещенский собрал всех летчиков.

— Вот мы и на войне, — весело сказал он, — туристская экзотика нам вредна. Нужно воевать. Сегодня у нас потерь нет. Это хорошо. Но так всегда быть не может. Враг сообразителен, он изменит тактику, будет продумывать каждую операцию. Поэтому для нас главное — бдительность, второе — мастерство, третье — тактика. Учить китайских летчиков будем быстрее, главным образом, в воздухе, в бою. Сейчас знакомьтесь со своими курсантами и будьте готовы взлететь в любую минуту.

Так началась боевая жизнь Антона Губенко.

В этой стране все было необычным: и климат, и природа, и взаимоотношения между летчиками, командирами и подчиненными, штатскими и военными, и язык, и культура. И все

это, вместе взятое, усложняло боевые действия советских авиаторов.

Антон видел, как китайские офицеры бьют своих подчиненных, худых, неграмотных, загнанных солдат, как китайские дети попрошайничают, как доведенные до полного отчаяния юные китаянки за весьма скромную плату предлагают «экзотическую ночь любви».

Иногда Губенко казалось, что штабным офицерам безразличны результаты боев, огромные потери их войск, положение на фронте, моральный дух солдат. Они были глухи к просьбам наших летчиков.

Советские военные советники просили наладить разведку, снабжение аэродромов топливом, боекомплектами, прекратить избиение солдат. Китайские военачальники обещали, давали многочисленные заверения, но ничего не меняли...

А масштабы воздушных сражений расширялись. Японская авиация наносила опустошительные бомбовые удары по городам, мирным безоружным жителям. Моральный дух китайской армии заметно падал.

В апреле 1938 года ввиду крайне трудного положения на фронтах авиационные школы и курсы, созданные с помощью СССР, сделали первые ускоренные выпуски национальных кадров. На фронт прибыло двести китайских летчиков, проходивших обучение в советских авиационных школах. По просьбе китайского правительства СССР поставил новую партию боевой техники.

Появляется возможность формировать новые части. Создается сеть аэродромов, в том числе грунтовые, организуется снабжение частей топливом, фуражом, обмундированием, продовольствием. Советские военные специалисты помогают установить четкое взаимодействие частей, наладить воздушную разведку, нанести на карту военную обстановку. 2 апреля в соответствии с оперативно-стратегическими планами, советские и китайские летчики нанесли бомбовый удар по японской авиационной базе Датун и уничтожили девять самолетов противника; при этом были убиты сотни солдат и офицеров.

Китайская печать широко осветила эту смелую операцию, надеясь на перелом в настроении народа, моральном духе армии.

Чан Кай-ши устраивает по этому случаю банкеты, дает интервью газетам, произносит пышные речи, награждает отличившихся. Пусть знают, как щедр вождь и генералиссимус Чан. Теперь и он верит, что Япония не всесильная, что воевать с нею можно, и даже раздумывает о победе.

В эти дни Антон Губенко впервые увидел Чан Кайши. Чан

показался ему скромным, деловитым и любезным. Лучшее качество политика — слушать. И Чан без лишних слов удостоил Антона Губенко своим вниманием, пожал ему руку, снисходительно улыбнулся, покровительственно похлопал по плечу.

Чан Кай-ши — политик хитрый и целеустремленный. Он рвался к полновластию. 25 апреля 1938 года на конгрессе Гоминдана рассматривался вопрос «О взаимоотношениях партии и правительства». Это был новый политический маневр, большой стратегический ход. Выигрыш будет потом... Надо уметь ждать, надо уметь предвидеть. Коммунисты расширяют свое влияние, захватывают провинцию за провинцией, требуют усиления в ЦИКе Гоминдана. Но они непоследовательны и этим очень вредят себе. Конгресс должен ответить на вопрос: «Кто власть?» Сейчас все средства хороши, говорилось на конгрессе. Но в будущей борьбе могут пригодиться и японцы. А пока миллионы китайцев настаивают вести войну с Японией до победного конца. Это настроение сильно, оно поддерживается русскими. Китайцы знают, что СССР оказывает помощь, дает самолеты, прислал летчиков. Советские летчики оказывают всемерную помощь китайцам. Взамен советским летчикам китайцы оказывают восторженные приемы, помогают им. Но Чан Кай-ши смотрит вперед и думает: война — это политика. Сунь был политиком — стал военным. Чан — военный, а политиком становится поневоле. Он вновь возвращается к спасительному имени первого президента, приказывает в кинотеатрах перед демонстрацией фильмов показывать портрет Суня. Люди неглупые, они хотят иметь живого вождя. Что ж... Скоро им покажут живого Суня, в роли которого будет Чан...

В Китае много политических партий и группировок. Среди отдельных партий сильно прояпонское настроение. Но есть и настроенные антияпонски. Чан понимает, что никого откровенно поддерживать нельзя: неясен исход борьбы — лучше их натравливать друг на друга.

Чан поддержит сильную партию, но только тогда, когда она победит. Поэтому Чан придумывает отвлекающие маневры. Он приказывает расстрелять командующего войсками провинции Шаньдун генерала Хань Фу-цю за связь с японской армией! Большая птица не кормится зернышками. Так говорили предки. Чан, убрав генерала, показал всем, что он ведет войну с Японией до победного конца...

Теперь в указе гения нуждается армия. Чан весь нацелен на армию. Военный министр Хо Ин-цин — верный ему человек. С русскими он общается постоянно... Чан будто бы делает ставку на

Хо Ин-цина, но думает иначе: если сторонники русских победят, Чан уберет Хо Ин-цина. Чану нужны безликие люди: вне политики, вне армии, вне борьбы. Хо тоже не простак, он не занимается армией, не руководит боевыми действиями. Ему нравится снабжать ее: там есть чем поживиться. Итоги его деятельности выражаются новыми вкладами в банк. Чан доволен собой и вроде бы доволен Хо Ин-цином.

Однажды после беседы с Хо у Чан Кай-ши неожиданно родилось решение — созвать совет обороны и поддержать публично, с сообщением в печати о патриотической работе военного министра.

— Страна разрушена, у нас нет промышленности. Люди не обеспечены товарами, — прочувствованно говорит Чан. — Цены на продукты выросли на сорок-пятьдесят процентов. Для победы нам необходимо увеличить армию, приобрести военную технику... Министр Хо верит идеалам Китайской революции и своим беззаветным служением ей приближает победу. Без помощи русских мы не победим...

Скоро Чан Кай-ши попросит комдива Дратвина перевести на китайский язык все наставления и инструкции ВВС СССР. Через посла СССР в Китае Луганец-Орельского Чан направляет письмо Сталину и Ворошилову с просьбой о дополнительной поставке вооружения. Нужны самолеты. Китайцы испытывают панический страх перед японской авиацией, боготворят советскую. Чан просит Советское правительство продать Китаю дополнительно 60 истребителей.

Советское правительство, верное союзническому договору, направляет 62 истребителя. К каждому самолету придан боекомплект на пять вылетов...

Чан очень доволен. Пока ему это выгодно.

«Кто не знает, куда он пришел, не будет знать, как уйти», — любит повторять Чан. Нельзя не считаться с обычаями мудрецов. «Надо поспешно делать то, что не так важно», — думает про себя Чан. И спрашивает себя: кто же сказал? Ах да, жена. Вечно она суется не в свое дело! Пусть занимается своим делом — благотворительством. А ему необходимо закупить за рубежом 1200 самолетов. Он добивается решения: 600 купить в СССР. О них широко подать в печати, не скупиться на слова. Отличные самолеты. Еще 600 самолетов Чан намерен закупить в других странах. Пусть это будет Америка, даже такая непочитаемая в Китае Америка. Фирма «Беланка» уже предложила 200 самолетов. Дороже эти самолеты, но Чан считает, что деньги жалеть не следует.

Пройдет несколько месяцев, в печать попадет сообщение о

закупке самолетов, совершенно не пригодных для ведения боевых действий. Кто же виноват? Чан будет вынужден председателя военно-авиационного комитета Цзянь Да-цзюня сместить, отдать под суд. Не мог же Чан Кай-ши допустить, чтобы инициатором этой аферы называли его!

Чан не устает от правительственных интриг, но он еще больше жаждет боевых, военных действий и подвигов. Генералиссимус не может этого не желать.

На встрече с советскими добровольцами он объявляет о сформировании новых 20 дивизий, которые должны добиться долгожданной победы. Война, заявляет Чан, превратила Китай в современное индустриальное государство, при мирном развитии для которого потребовались бы десятилетия. Война нужна, чтобы добиться технического прогресса.

Не все было ясно советским летчикам в китайской политике той поры. Но они искренне хотели помочь Китаю и не жалели ни сил, ни своего опыта.

Антон Губенко не знал, что через несколько дней, реализуя оперативно-стратегический план, он вновь встретится с Чан Кай-ши.

Несколько дней японская авиация бездействовала, установилось затишье, и можно было наконец заняться обучением китайских летчиков. Командир отряда Алексей Благовещенский и комиссар Андрей Рытов такое затишье считали опасным. Каждый час они ожидали налета. Авиаторы продолжали изучать язык: русские — китайский, китайцы — русский. Но служба слежения и оповещения работала круглосуточно.

Установилась жаркая, безоблачная погода. Солнце беспрепятственно катилось по небу, с раннего утра до позднего вечера пекло головы авиаторов.

Летчики, техники, мотористы в тревожном волнении поглядывали на сигнальную мачту: нет ли флага боевой тревоги? И такой сигнал появился неожиданно. Сразу же в этом жутком полуденном мареве, подкравшись, появился тихий гул, который рассеивался по аэродрому. Японские летчики, не дождавшись спасающей их облачности, рискнули лететь в безоблачную погоду.

Тревога! Летчики занимают места в кабинах истребителей и по заранее продуманному варианту поднимаются в воздух.

Капитан Губенко со своей слетанной тройкой стремительно набирает высоту: это дает оперативную свободу, право быстрого и внезапного маневра, неожиданной атаки.

На горизонте Губенко замечает точки шести японских бомбардировщиков. Это его не страшит. Антон знает технические

преимущества советских машин. Нужно выиграть время. Видимо, где-то на подходе новые группы японских бомбардировщиков, значит, следует поспешить вступить в схватку с первой шестеркой. Не этими же шестью самолетами они собираются разгромить одну из крупнейших авиационных баз китайских войск! Покачиванием крыльев Губенко дает приказ идти в атаку.

Истребители сваливаются сверху на тяжеловесных бомбардировщиков и открывают огонь. Воздух наполняется треском пулеметных очередей, ревом моторов. Неприятельский строй рассыпается.

Антон пристраивается к хвосту японского самолета. Противник делает отчаянную попытку уйти от преследования, ринуться в новую атаку. Губенко подходит ближе и длинной очередью бьет по кабине: вражеская машина теряет устойчивость, переворачивается колесами вверх и беспорядочно падает.

Воздушный бой захватил летчиков, вовлек в сложную неповторяющуюся круговерть. Первая победа придала звену больше уверенности, тактического натиска, боевого азарта.

Земля выкладывает знак (тогда на самолетах не было радио): «К аэродрому подходит еще тридцать вражеских самолетов». Антон усиливает наблюдение и передает своим летчикам: «Внимание! Выше осмотрительность!» И снова устремляется в бой. Пять вражеских самолетов надо сбить или обратить в бегство.

В воздух поднимается звено Григория Кравченко; тотчас на них со стороны солнца заходят пять японских истребителей, видимо, из группы сопровождения — авангардная пятерка. Звено Кравченко, не успев развернуться и занять боевое эшелонирование, уплотнить строй и установить огневое взаимодействие, оказалось под огнем неприятельских самолетов. Оценив боевую обстановку, Губенко рассыпает свое звено и дает полную оперативную самостоятельность летчикам: так легче помочь летчикам звена Кравченко.

В воздухе кружатся десятки самолетов, у каждого летчика свой замысел, своя собственная оценка обстановки, свой боевой почерк. Антон всматривается в этот клубок вертящихся самолетов, высовывает голову за козырек — свежий ветер обдувает, придает бодрости. На секунду расслабившись, Антон снимает руку с ручки управления, шевелит онемевшими пальцами. И жмет левую педаль, набирает скорость, а затем устремляется вниз. Он ловит в перекрестье прицела японский самолет, нажимает гашетку... И вдруг огненные всполохи заслоняют панораму боя. Ярко рдеющая пелена, скачущая по капоту, приближается к лицу Губенко, окутывает кабину, и он,

увертываясь от обжигающего огненного вихря, клонится в сторону, спасительно закрывает глаза и тотчас ощущает падение самолета. Машина подбита. Антон слепо ловит ручку управления и, не найдя ее, безнадежно откидывается на спинку сиденья.

Японский летчик, уходя от преследования, произвел выстрел и попал в самолет Губенко. Объятый огнем, истребитель падал вниз, входил в опасное вращение.

Вражеские бомбардировщики — их осталось три, — потрепанные огнем советских истребителей, ложились на обратный курс.

Антон уловил момент, перевалился через борт, стабилизируя тело (вот когда пригодился опыт парашютных прыжков!). Оглушенный треском пулеметных очередей, отделяясь от чихающих, перегревшихся моторов, Губенко дернул за спасительное кольцо. Парашют раскрылся. Работая стропами, Антон убыстрял свое движение вниз, к земле.

Японские истребители, увидев раскрывшийся парашют, тотчас бросились к нему. Антон оказался в поединке с тремя неприятельскими истребителями. Кравченко, передав управление истребителями своему напарнику, стремглав бросил свою машину к Губенко, ведя обстрел японских самолетов. Кравченко кружил над парашютом, не позволяя врагу приблизиться.

Антон коснулся земли, снял парашютные ремни и быстро ушел в укрытие.

Григорий Кравченко прошел на бреющем над леском, где укрылся Антон, убедился в безопасности своего друга, сделал бочку и вновь ринулся в атаку.

После боя молодые китайские летчики, теряя привычную степенность, обнимали наших пилотов, хлопали их по плечу, оказывали им разные знаки внимания. Китайские офицеры косились на подчиненных: они не одобряли братания.

На 29 апреля японцы спланировали нанести удар по Ханькоу. Через сложные каналы разведки сведения об этом ударе поступили в наш штаб. Японские авиаторы летали, как правило, одним и тем же курсом, не меняя боевого построения и тактических приемов. Зная оперативные шаблоны японцев, Благовещенский ждал нападения... И скоро большая авиационная группа японских бомбардировщиков под прикрытием истребителей пошла на Ханькоу — на его военный аэродром и на школу летчиков. Японцы одним ударом хотели уничтожить главные силы китайской авиации.

Благовещенский готовился к этому сражению.

Рано утром он собрал летчиков и рассказал о своем замысле.

— Всем ясна задача? — спросил он и, высоко подняв широкое

скуластое лицо, волевым взглядом обвел летчиков и, уловив в их молчаливом согласии полное понимание, добавил: — Новичков не беру. Наблюдайте бой с земли. Со мной полетят Губенко и Кравченко. Думаю, что японцы, не найдя наши самолеты на аэродроме, пролетят мимо, а затем вернутся обратно. Вот тогда, когда они расслабятся, мы и ударим. По самолетам!

Все случилось так, как и предполагал Благовещенский. Японские летчики были удивлены исчезновением аэродрома... Не изменяя курса, они прошли дальше за Ханькоу, развернулись. И тогда совершенно неожиданно, со многих направлений, на них налетели китайские и советские самолеты. Японские истребители сопровождения были оттеснены и, вместо того чтобы прикрывать бомбардировщики, стали защищать сами себя.

Еще две группы наших истребителей со стороны солнца невидимо подошли к бомбардировщикам. Загруженные до предела бомбами, тяжелые и неповоротливые многомоторные японские самолеты спешно сбрасывали бомбы, торопясь уйти на свои базы.

Итоги боя были внушительными: японцы потеряли более десяти самолетов, а китайцы — ни одного.

Благовещенского чуть ли не боготворили за предвидение и за умелое руководство боем.

После этой воздушной схватки китайское командование увидело в советских летчиках образец военного искусства. Неоднократно приезжал на аэродром старший сын Чан Кай-ши. Он недавно вернулся из Советского Союза, где прожил десять лет, посещал Борисоглебскую школу летчиков, женился на русской девушке. На Наньчанском аэродроме он устраивал банкеты в честь новых побед над японскими войсками, делал подарки нашим авиаторам, хвалил советские самолеты, летал на них — одним словом, старался заручиться дружбой Рычагова, Благовещенского и Губенко.

Об итогах воздушного сражения писали все японские газеты. Одну из газет привезли в Ханькоу и показали советским летчикам. В газете было сообщение о геройской гибели известного японского аса и скорбные строки японского императора в связи с потерей любимого летчика. Заслуги погибшего подняли авторитет Алексея Благовещенского. Но командир группы по-прежнему был простым, веселым человеком, любил своих боевых товарищей, настойчиво оберегал каждого советского пилота. А потери уже были, и немалые. В Ханькоу возникло русское кладбище...

— Антон, будь осмотрительнее, — требовал командир от своего подчиненного. Губенко улыбался и упрямо заявлял:

— Меня они больше не собьют.

Усилия всех советских авиационных эскадрилий были сосредоточены на решении важнейших военно-стратегических задач.

Наступило временное затишье. После 29 апреля 1938 года японцы предприняли налет на Ухань 54 самолетами и потеряли в этом бою 21 самолет — они тщательно скрывали свои замыслы, готовились к новым схваткам.

К 1 мая 1938 года китайскими и советскими летчиками было сбито 625 самолетов, потоплено четыре военных корабля, убито и ранено несколько тысяч солдат и офицеров. Практически были уничтожены непобедимые японские авиационные эскадрильи «Воздушные самураи», «Четыре короля воздуха», «Ваки кодзу» и «Сасэбо».

Советские военные советники организовывали ежедневные удары по важным японским военным объектам.

11 мая в воздушном бою над Южно-Китайским морем было сбито два японских самолета. В тот же день один боевой корабль был потоплен и два повреждены. 13 мая над Уханем японцы потеряли 14 самолетов, 20 мая китайские самолеты совершили демонстрационный полет над городами Японии: Нагасаки, Фукуока, Сасэбо и сбросили листовки с предупреждением: «Если ты и дальше будешь творить безобразие, то миллионы листовок превратятся в тысячи бомб».

После таких успехов советских и китайских летчиков надо было серьезно готовиться к новым и неожиданным налетам японской авиации на основные базы Китая. Японцы непременно захотят взять реванш за прошлые поражения, за бесславное 29 апреля.

К предстоящему сражению готовились скрытно и серьезно, произвели рассредоточение самолетов, создали необходимые резервы. Посты наблюдения 31 мая 1938 года подтвердили правильность расчета.

В отражении налета неприятельских самолетов участвовали все советские и китайские летчики.

Антон Губенко дрался, как всегда, отчаянно, смело, задиристо. Он имел уже пять сбитых японских самолетов. Осмотрительность, качество, конечно, важное, но попробуй догадаться, кто будет в тебя стрелять в этой карусели. Бой уже подходил к концу, когда Губенко вдруг увидел одинокий японский истребитель, торопливо уходящий в сторону своей территории. Он погнался за ним, желая заставить его сесть на нашем аэродроме. Губенко незаметно приблизился к противнику и рукой показал: иди на посадку. Японец зло осклабился, качая

головой, передернул черными усиками и в довершение всего показал кулак. Антон опешил от такой дерзости и, уязвленный, решил уничтожить самурая. Напористость Антона тотчас вызвала испуг у противника, и он, желая избавиться от опасного преследователя, сделал маневр, чтобы оторваться от погони. Самолет Губенко как пришитый шел рядом. На лице японского летчика четко обозначились растерянность и желание быстрее найти выход. И в этот момент Губенко подвел свой И-16 к элерону правого крыла японского истребителя и винтом самолета разрушил его. Неприятельский самолет дернулся, накренился и, теряя управление, заскользил к земле. Удостоверившись в падении врага, Губенко благополучно приземлился на своем аэродроме.

Таран Антона Губенко вызвал многочисленные разговоры. Жена Чан Кай-ши тотчас прибыла на аэродром и довольно велеречиво поздравила капитана Губенко с награждением китайским орденом. Она делала заявление о награждении раньше, чем было принято решение... Вечером на банкете в честь такой победы в воздухе она вручила всем советским летчикам, принимавшим участие в воздушной операции, китайские ордена.

Антон Губенко был удостоен высшей чести сидеть рядом с Сун Мей-лин. Она оказывала ему всяческие знаки внимания и счастливо рдела от почтительного возвеличивания ее персоны.

Весть о таране мгновенно облетела все аэродромы. Дошла она и до Чан Кай-ши. Усталый, вялый, он приехал на аэродром и долго беседовал с Губенко. В тот же вечер он устроил прием в честь советских авиаторов, приказал разместить их в центре Ханькоу на берегу Янцзы (Голубая река) в лучшей гостинице.

На следующий день китайское командование выразило неудовлетворение 14-й авиационной эскадрилье американских ВВС, приглашенной для участия в борьбе с японскими захватчиками: ежедневно на протяжении нескольких месяцев, демонстрируя виртуозный пилотаж над аэродромом, эскадрилья ни разу не вступила в воздушные бои. Ее командир, американский ас Винсент Шмидт, собрав своих пилотов, укатил в Гонконг на многодневный отдых «после боевых действий». «За успешные боевые операции» пилоты получали и медали, и крупные гонорары.

В Японии, узнав о таране Антона Губенко, объявили национальный траур. Желанная победа обернулась поражением. Император потребовал полного досье на русского «камикадзе».

Камикадзе — это японские летчики-смертники, подготовленные для выполнения лишь одного боевого задания; эти фанатики, верящие в божественную силу своего императора,

существенного влияния на ход боевых действий все-таки не оказали. Они скорее призваны были служить моральными генераторами, вдохновителями других...

В переводе слово «камикадзе» означает «ветер богов». Легенды рассказывают, что более 700 лет тому назад тайфун разметал у берегов Японии эскадру монгольского завоевателя, направившуюся за богатой добычей. Не имея сил для отпора захватчикам, японцы уповали на случай, который мог бы их спасти. И словно внемля их мольбам, небывалый шторм разметал корабли чужестранцев. Японцы этот ветер назвали святым, стали поклоняться ему.

В канун второй мировой войны японское военное командование решило создать отряды камикадзе, предназначая этот «священный ветер» для внезапного и всесокрушающего удара по любому неприятелю.

На острове Формоза усиленно комплектовались такие отряды смертников. В каждом отряде по 24 человека. Они хотели удивить русских оперативностью, умением быстро реагировать на ход войны. Нравственный дух этих людей спрессован в кодексе чести — «бусидо»: «Жизнь человеческая легка, как перо, а долг перед императором тяжелее горы».

В годы второй мировой войны погибло 2778 камикадзе. Военный эффект их был невелик, но само явление показало, что в условиях систематического насилия над моральным сознанием индивидуумов, сознанием всего общества реакционные силы могут подготовить такой «человеческий материал», который будет фанатично выполнять чужую волю...

После П. Нестерова Антон Губенко первым из советских летчиков совершил воздушный таран. Причем противник был уничтожен, а Губенко не только остался жив, но и спас свой самолет. Это не просто случайность! Это обоснованный научный эксперимент, подкрепленный большим летным опытом.

Помощь советских военных специалистов китайскому народу была столь велика, что замолчать ее было невозможно.

Чан Кай-ши пишет Сталину: «Наш прежний вождь Сунь Ят-сен, умирая, оставил письмо дружественному Советскому государству, в котором он выражает глубокую надежду, что передовое революционное государство поможет завершить национальную революцию в Китае».

Главного военного советника он просит передать маршалу Ворошилову, что все советские советники работают превосходно.

Советское правительство рассмотрело итоги оказания военной помощи Китаю и приняло решение за выдающуюся доблесть, проявленную в боевых операциях, наградить орденами

455 советских военнослужащих.

Глава шестая

Антон проснулся рано. Открыл глаза, непривычно осмотрелся: в квартире все на месте, та же обстановка, будто и не уезжал. Сквозь тюлевые шторы он видел розовеющий горизонт, небо необыкновенных красок: темное, переходящее в зелено-голубой цвет, пламенеющее. Спал мало, но возбуждение, охватившее его вчера на вокзале в Москве, было столь велико, что спать и не хотелось. Антон встал, отыскал пижаму, сокрушенно покачал головой — во что люди рядятся! — с величайшим пренебрежением напялил на себя полосатое «рубище», оттянул борт: пижама хранила в себе запах нафталина, непередаваемое ощущение магазина. Крадучись, бесшумно ступая шлепанцами, пошел в другую комнату. Семилетняя Кира спала в большой кровати, раскинув руки, крепко сжимала многочисленные подарки, привезенные ей отцом из Китая. Антон присел, хотел поправить одеяло, убрать мешающие дочери игрушки, но махнул рукой...

Аня еще спала. Он направился в коридор. Ему хотелось движений. Поискал гантели — их не было; он откинул крючок с входной двери, спустился по лестнице и вышел на улицу. Справа на скамейке сидел молоденький боец, сонно щурился на солнце, ежился от утренней прохлады. Антону показалось странным видеть человека в столь ранние часы.

— Доброе утро, товарищ боец, — весело поздоровался Губенко.

— Здрасте, — сказал тот нехотя, потирая руки, зажатые между колен.

— Что вы делаете в столь ранний час? — полюбопытствовал Антон. — На посту?

— Никак нет!.. — Боец судорожно повел узкими плечами. — Приказали телефон поставить. Жду, когда проснется полковник...

Антон от неожиданного сообщения присел, по телу прошел озноб.

— Что еще за полковник тут объявился? — насторожился Антон.

— Полковник Губенко... Большой начальник приехал в семнадцатую квартиру. Жду, когда можно ставить аппарат.

— Не жди, он проснулся, иди ставь! — Антон указал солдату на подъезд.

— Есть!

Боец с телефонным аппаратом побежал в подъезд, а Губенко молча шагал по двору, останавливался, взмахивал руками,

разминаясь, но в голову уже лезли разные мысли.

«Полковник»! Он никогда не терялся в боевой обстановке, находил тот тактический прием, который был нов, неожидан, наиболее выгоден в ситуации, но вот сейчас это известие — «Полковник» — разбередило душу, взволновало и как-то... Удивительно было то, что он узнал о присвоении звания от этого солдата. Да, конечно, Антон догадывался, что ему присвоят очередное звание, но тут — сразу: «Полковник». Было над чем задуматься.

Когда Антон вернулся домой, Аня была на ногах, готовила завтрак. Телефон — необычно дорогая новинка — стоял на видном месте. Кира с лукавыми глазками выжидательно ходила по пятам за Антоном.

Зазвонил телефон. Антон замер. Первые телефонные звонки всегда радостны, не раздражают.

— Это тебя, Антон, — сказала Аня и глазами показала на телефон.

— Меня? — Антон не торопился к телефону. Звонок протрещал глухо, неровно, без собственного тембра, как кричит новорожденный. Этот звонок еще без адреса. Антон колебался. Он чувствовал заговорщическое страдание жены и дочери. Сейчас ему могут официально сказать: «Полковник». Но ведь это так много, так обязывает. Да и достоин ли он такого звания? Второй телефонный звонок, глуше, терпеливее, надорвавшись первый раз, он трещит многозначительнее.

Антон снимает трубку и, сдерживая волнение, без всяких эмоций произносит:

— Капитан Губенко вас слушает.

— Здравствуй, Антон! — Голос знакомый. Он много раз его слышал, но кто же это? — Поздравляю. Молодец! Полковник Губенко! А ведь это славно! — Голос плавает. Человек говорил из большого помещения, звук окутывает, обволакивает. — Быстро одевайся. Через несколько минут машина будет у тебя. Забирай семейство — и ко мне на Лубянку.

— Анатолий Константинович, здравия желаю, — радостно закричал Губенко, узнав голос комбрига Серова... — Спасибо за поздравления...

Серов был напорист, инициативен. Многого достиг за эти годы, воевал в Испании. Антон учился у него, подражал ему, и, хотя они стали большими друзьями, продолжал неизменно обращаться к нему на «вы». Анатолий Константинович не раз просил перейти на «ты». Но Губенко был непреклонен.

2 марта 1938 года А. К. Серову было присвоено звание Героя Советского Союза и воинское звание комбриг. Антон в это время

был еще в Китае, поздравить Серова ему не удалось. И вот теперь начальник главной летной инспекции ВВС комбриг Серов по телефону зовет его к себе в гости.

В машине Аня и Кира сидят тихо. Смотрят в окно, любуются подмосковными пейзажами.

И вдруг, сидя еще в машине, Губенко понял, что приглашение Серова не праздное, а деловое, что его ждет какой-то разговор.

В квартире Анатолия Константиновича уже были гости: много летчиков, артистов и писателей.

— Анюта, ты божество! — воскликнул Серов, приветствуя жену Антона. — И муж у тебя, хохол, везучий! — И он, подавая дочурке Антона плюшевого медведя и коробку конфет, ласково сказал: — На, ешь конфеты, но не превращай себя в избалованную барышню.

Потом он повернулся к женщинам:

— Прошу всех пройти в большую комнату, а тебя, Антон, зайти на минутку в кабинет.

Анатолий Константинович мог балагурить, вперемежку с добрыми советами и нравоучительными сентенциями говорить весьма важные и деловые вещи, ненавязчиво вести свою линию в беседе.

Усадив Антона в глубокое кожаное кресло рядом с книжными полками, Серов остановился напротив и уже без прежней игривости сказал:

— В верхах рассматривается вопрос о направлении всех летчиков, имеющих боевой опыт, в войска. Главное направление — запад. Сейчас вы получите отпуска, путевки в санатории. Обстановка напряженная, Гитлер затевает недоброе. Чем быстрее ты вернешься и приступишь к работе, тем лучше. Пока вы будете отдыхать, вам подберут должности.

— Я вас понял, Анатолий Константинович, — вставая, ответил Антон. — Готов выехать к новому месту хоть сейчас!

— Сиди, не торопись. — Серов засмеялся, отошел к окну, посмотрел на улицу, увидев там кого-то, помахал приветливо рукой. Повернувшись к Антону, большие пальцы сунул под ремень:

— Знаю, что хочешь учиться. Академия от тебя не уйдет. Но сейчас фашизм подбирается к нашим границам. Подробности расскажу после отпуска. Сегодня вас примет нарком обороны, Маршал Советского Союза Ворошилов. Возможно, на встрече будет товарищ Сталин...

Антон опять готов был встать из кресла.

— Поздравь своего подопечного Григория Кравченко, ему присвоили звание майора.

Антон был рад за друга.

Дверь отворилась, без стука вошла Аня.

— Простите, но ваше уединение подозрительно. Если это заговор против жен, то это ново, а если вы снова собираетесь куда-то лететь, то нам нужно знать.

Анатолий Константинович засмеялся.

— Молодец, Анюта. На сей раз заговор не против жен, а против врагов.

— Опять лететь? — испуганно спросила она.

— Да! — серьезно ответил Серов. — Лететь в Крым, на отдых.

Народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов принимал летчиков в Центральном Доме Красной Армии имени М. В. Фрунзе.

В президиуме были известные советские военачальники, летчики-рекордсмены. После выступления К. Е. Ворошилова был перерыв, потом все смотрели концерт. На ужине, устроенном в честь летчиков, вновь выступил нарком обороны.

Аня весь вечер сидела притихшая, немного испуганная и рассеянная, непривычная к такому торжественному приему. У мужа новое звание, будет новое назначение. Ей надо было это понять, осмыслить, привыкнуть. Она прижималась к Антону и с неосознанной тревогой смотрела на три шпалы.

До отъезда на юг оставалось еще несколько дней. Серов опекал Губенко, возил с собой по Москве — на встречи с рабочими заводов, студентами, заставлял выступать.

В один из вечеров они направились в Старопименовский переулок — в Клуб мастеров искусств. Там хорошо знают А. Серова, В. Чкалова, М. Водопьянова. Там царит культ красоты, остроумия и авиации. На первый взгляд кажется — в клубе не признают чинов, заслуг, но зато очень ценят мужество.

Время позднее. Здесь сдержанная Лидия Русланова, лукавый Сергей Образцов, настороженный Лев Оборин, целеустремленная Валерия Барсова, иронический Иван Москвин... Все после работы устали, все говорят негромко, острят. Антон робеет, не находит себя в этой компании, расстраивается.

И тут Валерий Павлович встал, поднял руку; тотчас наступила тишина. Чей-то баритон извещает:

— Тихо, Чкалов говорить будет!..

Валерий Павлович наклоняется к Губенко, шепчет: «Не робей, выступи!»

— Здесь, — по-ораторски громко начинает Чкалов, — говорили, что работники искусства в долгу перед летчиками. Мы, летчики, тоже в долгу перед всеми... Например, я, как истребитель, должен быть готов в бою сбивать неприятеля и не

быть сбитым. Нам нужно не только мастерство побеждать, но и уверенность в выигрыше боя. Я признаю только такого бойца, который для спасения Отечества жертвует своей жизнью. И если это нужно Союзу, то я в любой момент это сделаю...

Представляю вам молодого выдающегося летчика Антона Губенко, который совсем недавно таранил, как наш славный Петр Нестеров, вражеский самолет... Он умело выполнял свой долг...

Зал взорвался аплодисментами, со всех сторон требовали, чтобы Антон встал и рассказал о таране японского самолета.

И он поднялся со стула, окинул взглядом зал и стал рассказывать...

Ни Аня, ни Кира не возражали против досрочного отъезда.

На юге с семьей Антон пробыл две недели. Он рвался в Москву.

В управлении ВВС А. А. Губенко сообщили о его назначении заместителем командующего авиации Белорусского особого военного округа. Перед отъездом в Смоленск он написал письма родным:

«Мама! Твой непутевый сын сообщает, что он жив и здоров. Повышен в воинском звании, получил новое назначение. Служить будет в Смоленске, Пожалуйста, приезжай ко мне в гости. Анюта стала еще краше, свой строптивый характер оставила за порогом тридцатилетия. На всех встречах и приемах ведет себя хорошо, скромно и всех очаровывает. Она умница. Может быть, иногда нужны расставания, долгие командировки. Как знать! Кирюша выросла, стала большой, научилась читать. Ей так хочется быть постоянно со мной. А у меня работы, работы...»

Старшей сестре Антон тоже отправил письмо:

«Таня, родная! Написал письмо маме-большой и тут же пишу тебе, маме-маленькой. Суета сует съедает все время. С трудом верю, что мы на родной земле. Китайские друзья нам очень помогли в боевой работе, устройстве быта, но как там ни хорошо — земля родная манит. Тоска по родной земле — чувство невыразимое. Без Руси жить не могу. Не могу без своего Дальнего Востока, без своей глубокой балки в родной деревне, без Москвы. Странно, но мне хотелось быть одновременно везде. Написал письмо брату Александру.

Нашей стране скоро могут потребоваться фортификаторы, кругом идет война. Фашисты, видимо, нападут на нас. Брат должен быть готовым встать в строй. Нашу Родину нам защищать.

Таня-мама! Так много хочется рассказать. Но, увы, письма не хватит, а написать повесть не могу. Хорошо бы нам встретиться. Приезжай ко мне. В будущем году приеду, к тебе, покажу Киру — она огромный и умный человек.

Недавно мы были в Кремле. Это моя пятая встреча с товарищем Сталиным. Он был среди нас, шутил, был по-хозяйски суетлив и внимателен. Он очень любит летчиков. Он сказал: „Вы гордость нашей партии, ее цвет, ее авангард“.

Эти слова предназначались и мне, но я ведь не член партии. Я всего лишь беспартийный большевик. Вчера Валерий Павлович мне сказал: „Пора, Антон, вступать в партию. Теперь ты созрел, доказал делом, что не подведешь партию“.

Одним словом, я решил вступить».

В начале сентября Антон Алексеевич выезжает в Смоленск — на новое место службы.

Заместитель командующего авиации округа...

Как-то встретят на новом месте? Волнения, сомнения, терзания... Хватит ли знаний? Да, Антон имеет боевой опыт, да, он летает на всех типах истребителей. Но это ли главное?.. Ему вспомнилось, как он когда-то обижался, что его долго не выдвигали командиром авиационной эскадрильи: вспомнил и засмущался... Он резко заявил тогда командиру бригады: «Я достоин большей должности, мне пора командовать эскадрильей». А сейчас он обязан командовать не только эскадрильями, но полками и авиационными бригадами... Обязан! И не просто командовать, но научиться делать это превосходно, учить других... А у него не было опыта... И он чувствовал даже несправедливость столь высокого назначения... Но уверенность в себе взяла верх: он научится командовать, как бы трудно ни было, научит своему военному мастерству других...

Поезд прибыл в Смоленск утром. Было тихое, прохладное утро. Белесое небо подернуто дымкой, в сонной неподвижности застыли деревья. Осень, опередив арьергарды лета, вошла в город неожиданно, раньше срока, бросила свои цветастые отпечатки на растительность, пологие холмы, затуманенное бирюзовое небо. На перроне Губенко встречала группа командиров. Здесь военный комиссар Чикурин, майор Худяков, старший лейтенант Теньков. Подтянутые, крепкие офицеры.

— Командующий просил передать, — глухим, простуженным голосом говорит Чикурин, — чтобы вы устраивались, отдыхали, а после завтрака, в девять ноль-ноль, он представит вам командиров и политработников управления авиации округа. В двенадцать десять вас примет командующий войсками округа комкор Ковалев...

— Большое спасибо, товарищ военком, но я хотел бы сразу поехать в штаб, представиться — и за работу...

— Значит, вы хотите, Антон Алексеевич, чтобы Анну Дмитриевну на квартиру доставил я? — Чикурин поднял

широкую ладонь, обращая взгляд на жену и дочь Антона, докончил: — Согласен, доставлю. Только в новую квартиру первым следует войти хозяину. Как, Сергей Александрович? — обратился он к майору Худякову.

— Совершенно правы, товарищ военком, — засмеялся Худяков; у него был кавказский акцент, приятный, ласкающий, какой бывает у рассказчиков со сцены. — Квартира полковника Губенко на пути в штаб. У нас на Кавказе говорят: «Войти в дом — твое дело, но выйти — дело хозяина».

Губенко тоже засмеялся. Он настороженно ждал первых минут, первых часов на новом месте, всю ночь не сомкнул глаз, а тут его встречали прекрасные, веселые, остроумные люди. Они знали цену шутке, а это много значило.

Через час он был в штабе, представился командующему ВВС округа комдиву Гусеву, боевому и опытному командиру.

— Антон Алексеевич, не навязываю вам никакого плана, осмотритесь, почитайте документы, приказы, — сказал Гусев, радуясь такому боевому заместителю, — но обстановка тревожная...

— Разрешите мне побывать в частях, познакомиться с командирами, изучить состояние боевой и политической...

Гусев, улыбнувшись, кивнул. Ему хватка молодого полковника очень понравилась.

С первых часов пребывания в Смоленске Антон Алексеевич окунулся в летные дела. Жена Анна Дмитриевна занималась устройством квартиры, ездила по городу, а он в штабе, на аэродроме, в эскадрильях.

Все дни он был на службе, летал то в один, то в другой гарнизоны, задерживался в них по неделе.

В частях авиации округа шла напряженная боевая работа. Большинство подразделений переучивались на новую авиационную технику. Менялась структура части, совершенствовалось управление. В гарнизоны прибывали молодые летчики. Их принимали, размещали, определяли места в боевом расчете. Антон знакомился с летчиками. Отличные ребята. Энтузиасты, с хорошей летной выучкой, с верой в советские самолеты; но летали они еще маловато, а военного опыта у них совсем не было.

Последнее обстоятельство встревожило Антона Алексеевича. Зная обстановку в Европе, Губенко написал обстоятельную докладную записку.

Комдив Гусев пригласил к себе в кабинет заместителей, начальников отделов и служб посоветоваться и составить по докладной Антона Алексеевича подробный план-предложение.

Полковник Губенко сообщил собравшимся, что в некоторых частях замечено благодушие, недооценка опасности войны, неоперативное руководство полетами, неумение работать с запасных аэродромов, у некоторых пилотов плохо устроен быт...

Предлагалось составить строгий план переучивания по эскадрильям, провести сборы командиров частей, дать подробную информацию о боеспособности авиации вероятного противника, ввести круглосуточное боевое дежурство.

После совещания комдив Гусев доложил о всех предложениях начальнику ВВС РККА командарму второго ранга Локтионову, командующему войсками округа комкору Ковалеву.

Между тем в штаб авиации Белорусского особого военного округа пришло постановление Главного Военного Совета РККА о дальнейшем развитии авиации, повышении ее роли в боевой обстановке. И предложения Антона Алексеевича попали в точку — были очень своевременными.

Постановление сверху было всесторонне подготовленным планом, рассчитанным на многие годы. Именно о таких планах для округа говорил и Антон Губенко, именно этого он добивался в частях авиации. Нельзя думать, что Антон Алексеевич первым пришел к такому выводу, что он был единственным, кто проявил такую поистине государственную заботу о боеготовности авиационных частей. Антон Алексеевич был человеком, который уже воевал, познал коварство японских милитаристов, и он, испытавший на себе выучку иноземных летчиков, с откровенной прямотой заговорил о высшей летной выучке советских пилотов, ибо сам уже достиг ее.

Будучи мужественным человеком, он говорил о мужестве, но при этом подчеркивал, что нужно и высшее военное мастерство для применения самолета в бою...

Внимание Антона Алексеевича приковали авиационные части первой линии. Боевая готовность, летное мастерство, взаимозаменяемость наземного персонала, работа командных пунктов, строевая подготовка — о, сколько проблем для молодого полковника. Человек талантливый, он ничего не мог и не хотел касаться только инспекторски. Он вникал в любую проблему, пока не находил какого-то творческого решения...

В октябре 1938 года части ВВС Белорусского особого военного округа подверглись всесторонней проверке начальником ВВС РККА командармом второго ранга Локтионовым. Инспектирующие сделали всесторонний разбор достижений и недостатков авиации округа за год. А через несколько дней после отъезда Москва запросила характеристику на Антона Губенко.

О столь пристальном внимании к себе Антон Алексеевич,

разумеется, не знал. Он был занят работой, добивался, чтобы летчики повышали военное мастерство.

В один из напряженных дней пришло письмо:

«Антон, молодец, радуюсь за тебя, — писал Анатолий Серов. — Работай много, не жалей себя. Мы единственные в мире построили такое общество, и оно единственное в мире создало такую авиацию, окружило таким почетом летчиков. От нас очень многое зависит: научить молодых, передать наш боевой опыт, выдвигать достойных. Скоро будет повод встретиться».

Командующий ВВС РККА написал в Президиум Верховного Совета СССР:

«Тов. Губенко является одним из выдающихся летчиков-истребителей, находившихся в „Зет“[1]. За время боевой работы на фронте проявил себя как исключительно смелый, отважный и храбрый летчик.

В бою 31.5.38 года при отказе пулеметов винтом таранил самолет противника, сбил его и благополучно произвел посадку на свой аэродром.

26.6. в первом бою сбил японский истребитель, а во втором неравном бою в тот же день был сбит сам, но спасся на парашюте.

18 июля, выручая товарищей, один дрался с шестью истребителями противника. Сбив одного из них, невредимым вышел из боя.

В бою 29 июля один дрался с тремя японскими истребителями и этим спас от гибели нашего бомбардировщика, атакованного истребителями противника при бомбометании по кораблям.

Несмотря на болезненное состояние после прыжка с парашютом, тов. Губенко смело дрался во всех последующих боях до вызова его на Родину.

Тов. Губенко лично сбил семь японских истребителей. По своим деловым, боевым и политическим качествам достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Через несколько дней полковника Губенко вызвали в Москву. В тот же день группу военных летчиков принял Михаил Иванович Калинин, щурясь, он всматривался в лица празднично одетых летчиков, находил знакомых, часто-часто по-стариковски кивал головой, протягивал руку, дружески тряс.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Губенко, — Михаил Иванович пожимал ему руку.

Смущенный таким вниманием, Антон покраснел. Таких почестей он не ожидал. За военное искусство и отвагу, проявленные в боях при выполнении интернационального долга, полковник Губенко А. А. был награжден орденом Красного

Знамени.

Рядом с Антоном был майор Кравченко, он получил орден Красного Знамени.

Вручив ордена, Михаил Иванович Калинин напутствовал орденоносцев:

— Мы не можем гарантировать, что не будет войны, но мы твердо убеждены в том, что, если наша Красная Армия будет сильной, если командиры и политработники овладеют современными способами ведения войны, нам не страшны будут никакие армии...

В тот же вечер Антон оказался в доме Анатолия Константиновича Серова. Но хозяин был хмур, неразговорчив, рассеян. Он напрягал себя, чтобы выслушать Губенко, устремлял на него цепкие глаза, но через секунду они непроизвольно выдавали его печаль.

Расспрашивать было неудобно, но и продолжать игру в хорошее настроение Губенко стало невмоготу.

— Анатолий Константинович, меня угнетает ваше молчание, — заговорил Губенко. — Чем вам помочь? Или уж, на худой конец, будем грустить вместе.

— Что угнетает? — стукнул кулаком по столу Серов и, видимо, чтобы продемонстрировать бодрость духа, встал, подошел к окну. — В общем-то ничего, кроме пустяков. Сказать?

— Сказать! — послышались голоса.

— Хочу вернуться на испытательскую работу... Мало летаю. Заседания, совещания, бумаги, а мне самолет нужен... Обстановка в мире накаляется. Вы, ты, я — все должны летать... Нужны самолеты — скоростные, высотные, дальние. Впрочем, и обдумывать все это — тоже дело...

Поздно вечером Антон Алексеевич выехал в Смоленск. Настроение у Губенко радостное. Получил вторую награду. И какую награду: настоящую, боевую! В тридцать лет человек не носит долго печали, мир кажется ему устойчивым. В молодом сердце коротка грусть. Возникая, она быстро сменяется бодростью. А тем более, если тебя ждет любимая работа.

В Смоленске Антон Алексеевич прочитал новый приказ начальника ВВС РККА о задачах на ближайший период.

Немедленное и безотлагательное повышение боеготовности всех частей авиации — магистральное направление деятельности командиров. Приказывалось сосредоточить внимание на высотной подготовке летчиков, организации внеаэродромных полетов и полетов на полный радиус, на поэтапном проведении летно-тактических учений. Каждому командиру вменялось в обязанность изучить театр военных действий, вооруженные силы

вероятного противника.

Авиационные части как бы получили толчок... Были организованы курсы по подготовке командиров запаса, обновлялись неприкосновенные запасы — НЗ, проводился учет боекомплектов, складов горюче-смазочных материалов.

Осенью пришло распоряжение о повышении бдительности, о ведении отныне всей переписки по условным наименованиям частей. Во избежание пограничных конфликтов осенью 1938 года на аэродромах было введено боевое дежурство. В инструкции дежурным экипажам предписывалось:

«Попарно, с получением настоящего пакета, дежурному звену или отряду вылетать навстречу воздушному противнику с целью:

1. Сбить, если самолеты иностранного происхождения.

2. Посадить, если самолеты наши, или сбить, если не желают садиться».

Разъясняя эти требования, организуя выполнение приказа, полковник Губенко летает по гарнизонам, учит командиров, выступает перед личным составом. Он учит правильно строить атаки, рассказывает об опыте своих товарищей, о таране...

Он приглашает к себе командиров авиационных бригад, полковников Фалалеева и Белецкого, майора Добыша... Губенко говорит им об умении самостоятельно принимать решения, действовать изолированно...

Незаметно подбиралась зима. Снег лег на темную, незамерзшую землю, будто проделывал репетицию, а потом неожиданно растаял, освободив место для морозов. А морозы не торопились, робко сковывали землю, усыпанную листвой, поникшими стеблями высокой травы. Снова выпал снег.

Погода установилась ясная. Полки получили возможность продолжать полеты днем и ночью.

В один из таких дней после работы в дальних гарнизонах полковник Губенко прилетел на своем И-16 в Смоленск, сделал круг над городом, осторожно притер истребитель к полосе, поблагодарил механика и направился в штаб.

Дежурный стоял с затуманенными глазами, представился как-то вяло, небрежно. Антон остановился, хотел отчитать его, но сдержался и зашел к начальнику авиатыла Худякову, чтобы спросить, что же случилось...

Майор Сергей Худяков, невысокий, красивый армянин, нравился ему своей подтянутостью, исполнительностью, особой командирской корректностью. Губенко хорошо его знал, брал с собой в командировки, отмечал его усердие, оперативную выучку. Это побудило его посоветовать Худякову перейти на штабную работу. Худяков в числе немногих командиров штаба окончил

военную академию, имел большой налет на тяжелых самолетах, хорошо знал истребители.

Еще в коридоре, сняв реглан с меховой подстежкой, Антон Алексеевич зябко потер руки — инстинктивная привычка выражать озноб, — наскоро распушил волосы, повернулся боком, чтобы плечом толкнуть дверь, но она неожиданно отворилась, шагнул, едва не упав.

— А, Сергей Александрович! — радостно приветствовал его Губенко. — Простите, пожалуйста, что валюсь у ваших ног.

Худяков никак не реагировал на шутку, чем немало удивил своего гостя. Сергей Александрович любил шутку, а тут каменное, печальное выражение его лица озадачило Губенко. Он сделал шаг назад.

— Товарищ полковник, — Худяков поднял глаза на Губенко, — только что получено сообщение о гибели Валерия Павловича Чкалова.

Худяков опустил глаза и не видел, как воспринял его известие Губенко. Уши наполнились оглушительным гулом. Когда майор успокоился и мог спокойно поднять глаза на Антона Алексеевича, того в кабинете уже не было.

Губенко вбежал в кабинет командующего.

— Понимаю, гибель Валерия Павловича всеобщая печаль, а вы друг его, — говорил комдив, — пожалуйста, поезжайте в Москву, но самолет дать вам не могу...

— Почему?

— Поймите меня, мы несем ответственность за вас. Вы предельно взволнованы, в таком состоянии за рулем автомашины быть опасно, в кабине самолета тем более... Поезжайте поездом... Вам предстоит беспокойная ночь. Обо всем успеете передумать. Утром будете в столице. Кстати, звонил Серов, он ждет вас...

— Да, да, я понимаю. Но время... хорошо, поеду поездом.

Из Москвы Антон Алексеевич вернулся через пять дней. Гибель Валерия Павловича Чкалова глубоко потрясла Губенко. Он похудел, замкнулся, морщинки иссекли его лоб. Командующий ВВС не разрешал ему летать, не отпускал в командировку. Чтобы занять его, поручил написать ряд указаний по боевой подготовке, проводить сборы руководящего состава, готовить приказы по усилению боевого дежурства, проверить работу частей местного гарнизона.

В суете проскочил декабрь, напряженность пограничной обстановки требовала от Антона Алексеевича частых разъездов.

— Я много думал эти дни, — сказал в новогоднюю ночь Губенко майору Худякову. — Почему-то часто вспоминаю Дальний Восток. Как жаль, что вам не пришлось там служить. Вот

где превосходные места для закалки летчиков.

— Ваше пожелание, Антон Алексеевич, я воспринимаю как приказ.

В ту новогоднюю ночь никто из них не мог предположить, что пожелание Губенко сбудется: Худяков в 1945 году станет во главе 12-й Воздушной Армии и примет участие в разгроме японских войск в Китае.

— Ваша жизнь интересная, — мечтательно говорил Худяков. — Вы встречались с такими людьми...

Да, встреч действительно было много: Сталин, Калинин, Чкалов, Серов, Орджоникидзе, Поликарпов. Антон Алексеевич настойчиво возвращается к мысли, давно волновавшей его:

— Возбуждать у молодых летчиков жажду к подвигу. Наша профессия немыслима без мужественных людей, без способных на риск. Но необходимо и мастерство, чтобы победить врага, сохраняя свою жизнь. — Мысль не новая, но Губенко говорил об этом задумчиво. — В чем секрет настоящего мужества? Я наблюдал на маневрах за новичками. Стремясь показать храбрость, они атакуют противника залихватски, без расчета, на первом же встречном маневре вероятность нападения весьма невелика, но летчики легковерно открывают врагу свой курс, свои намерения и дают ему преимущества на попутных маневрах. У такого новичка не смелость, а отсутствие знаний и дурная привычка к риску...

Худяков впервые видел заместителя командующего вялым, болезненным. Тогда он еще не знал о причине того. Не развеяло мрачного состояния Губенко и письмо от Анатолия Константиновича Серова.

«Антон! Как дела? — писал Анатолий. — Много ли летаешь? Летай, осваивай новую материальную часть.

Нам останавливаться нельзя. Авиация развивается так стремительно, что даже поездка летчика в отпуск задерживает его выучку. Сейчас готовится один новый, весьма великолепный самолет в ЦАГИ. Я обратился к наркому с просьбой разрешить мне летать на нем. Клим Ворошилов вызвал к себе, долго беседовал, немного пожурил за торопливость, обещал поддержать. В обращении к правительству он написал: „Охотников среди летчиков летать на этом типе самолета много, но тов. Серов наиболее подходящий“.»

К нему обратились А. Тамара, А. Дубровский, М. Гордиенко за разрешением на беспосадочный перелет Москва — Австралия. Этот перелет они хотят посвятить памяти Чкалова. Это прекрасно, и Серов обещал их поддерживать. Большие перелеты нужны как демонстрация силы советской авиации и государственного строя.

«Посылаю тебе фотографии, помнишь — мы с тобой на ней! Ты совсем молодой, с огромной шевелюрой, глаза с поволокой, неотразим. Берегитесь, красавицы!

Скоро тебя вызовут в Москву, встретимся».

Серов опять что-то предсказывал, о чем-то знал, но не сообщал об этом. Что же ожидало Антона в Москве? Ах, да ладно — думал Губенко. Он очень устал. Но отдыхать было некогда, да и нельзя.

В части стала поступать новая авиационная техника. Полковник Губенко летал в полки, изучал новые самолеты.

В середине февраля он был вызван в Москву. Комбриг Серов принял его в штабе ВВС, расцеловал:

— Поздравляю!

— С чем?

— Со званием Героя Советского Союза.

— Меня?

И Антон стал тихим, неразговорчивым. Герой! А каким полагается быть Герою?

В марте 1939 года полковник Губенко в составе делегации ВВС приветствует XVIII съезд партии. После съезда друзья просили Антона остаться на денек в Москве, но, сославшись на занятость, он возвращается в Смоленск. Его ждали неотложные дела. В тот же вечер он выехал к месту службы. Больше в Москве ему быть не пришлось.

31 марта полковник Антон Алексеевич Губенко планировал сделать несколько полетов и встретить мать, которая ехала к нему в гости.

День был пасмурный, тяжелые пепельно-серые тучи низко, угрожающе, как откормленные гуси, плыли на юго-восток, иногда накрапывал дождь; изредка проглядывало солнце, и тогда все озарялось, пробуждалось ото сна.

На аэродроме было ветрено, уныло, пустынно. Все самолеты, рассредоточенные на большой площади, укрытые чехлами, одиноко жались к земле, понуро на семи ветрах ждали своего часа.

Полеты, запланированные на день, были отменены, летчики, техники, мотористы ушли в классы заниматься наземной подготовкой.

Полковник Губенко приехал на аэродром к точно назначенному часу. Техник доложил о готовности самолета к полету.

Антон Алексеевич поздоровался за руку, поправил шлем. Он знал, зачем он садится в машину. Он обязан испробовать себя и в такую погоду! Антон плотнее натянул краги, улыбнулся

сдержанно. Он был собран, сосредоточен:

— Не шибко хорошо, но отменять не будем.

— Есть, товарищ командир.

Губенко запустил мотор, который огласил округу страшным ревом. Погоняв его на разных режимах, Антон приготовился к взлету.

Приехали летчики, инженеры из штаба авиации округа: понаблюдать — летал первый заместитель командующего авиацией округа, посмотреть виртуозные полеты известного летчика.

Самолет взлетел, пробил облачность и исчез из поля зрения. Далеко за толщей облаков катался звук, скакал из конца в конец аэродрома. Самолет выскочил из плотных створок облаков неожиданно, проделал несколько фигур и свечой взмыл вверх. Второй выход из облаков был прицельный — Губенко стрелял по мишеням. И снова серия фигур, четких, выполненных уверенной рукой мастера высшего пилотажа, и снова свеча...

— Облачность тяжелеет, теряет высоту, — сказал взволнованно синоптик.

Сверху нарастал шум мотора — самолет катился вниз. Слова синоптика вызвали напряжение у присутствующих. Затаив дыхание, они всматривались в небо. Самолет выскочил справа от них, стремительно, неудержимо, чтобы разбежаться для нового ошеломляющего взлета.

Истребитель взвихрил тучи и, проседая, направился вдоль аэродрома, оглушая всех неимоверным, работающим на пределе двигателем. Летчики видели, как стелилась от винта трава, как пылью вздыбились рассеченные лужи, как винт хлестал высокие стебли тимофеевки. Это было что-то новое, зрелищное, но и опасное. Кто-то, предвидя беду, вскрикнул, инженер бригады закричал: «Поднимайся!», но было уже поздно: самолет плашмя ударился о землю, мотор чихнул и заглох. Все стояли замерев, немо созерцая самолет.

— Горит! — закричал старший техник Иванов и поспешил к самолету, хлюпая по лужам.

Первым прибежал к самолету механик по вооружению Степан Киреев и увидел, что Губенко с закрытыми глазами сидел в кабине, откинувшись на спинку сиденья, правой рукой он сжимал ручку управления истребителем... Степан вытащил Губенко из кабины. Антон Алексеевич был мертв.

Огонь лизал капот, синие языки неторопливо бегали по самолету. Пожар тотчас погасили. Летчики, обескураженные происшествием, подняли на носилках тело полковника Губенко, бережно внесли в санитарную машину.

Выглянуло солнце, пошел тихий снег, повисло над стартом полотнище авиационного флага, затихли моторы автомобилей.

Член Военного Совета ВВС Ф. Агальцов написал родственникам А. А. Губенко:

> «1. Военным Советом Военно-Воздушных Сил РККА возбуждено ходатайство перед народным комиссаром обороны Маршалом Советского Союза тов. Ворошиловым об увековечении памяти выдающегося летчика Героя Советского Союза полковника тов. Губенко А. А. Военный Совет ВВС РККА просит народного комиссара Обороны выйти с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР:
>
> а) о переименовании села Чичерино Октябрьского района Донецкой обл., где родился Губенко А. А., в село Губенко;
>
> б) о присвоении имени Героя Советского Союза тов. Губенко одному из военных авиационных училищ;
>
> в) об установлении персональной пенсии жене и дочери Губенко;
>
> 2. Командующему и военному комиссару ВВС БОВО рекомендовать поставить вопрос перед облисполкомом и облнаркомом Смоленской области о постановке памятника тов. Губенко А. А. ...»

Жизнь человека измеряется не летами, а делами. Полковник Губенко прожил короткую жизнь. Он хотел многое сделать, но не все успел, его удивительный пример вдохновил на продолжение боевых экспериментов учеников...

В годы Великой Отечественной войны более 200 советских летчиков применили таранные удары для уничтожения неприятельских самолетов, 17 летчиков повторили этот прием дважды, Алексей Хлобыстов — трижды, а Борис Ковзан — четырежды. Автором этого тактического приема, получившим массовое распространение, был летчик Антон Алексеевич Губенко.

Но пример Антона Алексеевича не только в таране... Таран — лишь один из тактических боевых приемов... До последнего часа жизни Антон Губенко искал возможности использования боевой машины в условиях войны: он учил пилотов летать днем и ночью, в непогоду — в дождь и вьюгу... Этого требовала война — и поиск Губенко был нужен летчикам, стране.

Уходят годы. Поколение сменяет поколение. На смену старым, заслуженным боевым авиаторам приходят новые, молодые лейтенанты. Преемственность поколений — это как

эстафетная палочка. Крепкие руки передают ее, крепкие руки принимают. И если будет нужно, эти руки, не дрогнув, поведут грозную реактивную машину на таран...

Иллюстрации

Полковник, Герой Советского Союза Антон Алексеевич Губенко. 1938 г.

Отец Антона — Алексей Губенко.

Мать Антона — Наталья Пантелеевна Губенко.

Дом, в котором родился и провел детство А. А. Губенко.

Сестра Татьяна («мама-Таня»).

Брат Александр Алексеевич Губенко, генерал-майор.

В. П. Чкалов.

С. А. Худяков, маршал авиации, боевой сподвижник А. А. Губенко. 1944 г.

Друзья. А. А. Губенко (слева), Анатолий Серов (справа).

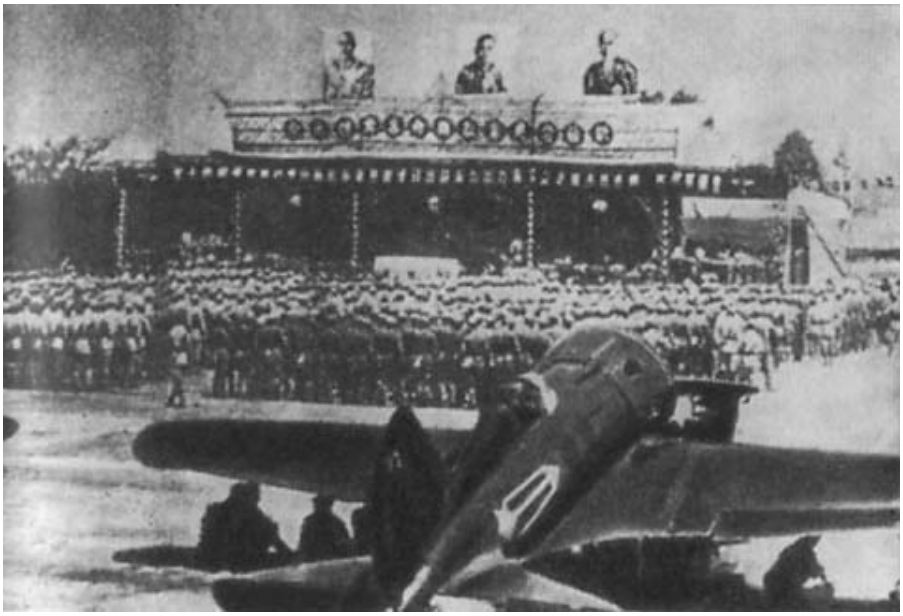
Г. П. Кравченко, друг Антона Губенко, будущий дважды Герой Советского Союза.

Выпускники Качинской школы 1926 года, которую окончил А. А. Губенко.

Антон Губенко беседует с наземным экипажем.

Советские летчики-добровольцы, участники национально-освободительной войны китайского народа против японских захватчиков (1937-1943 гг.).

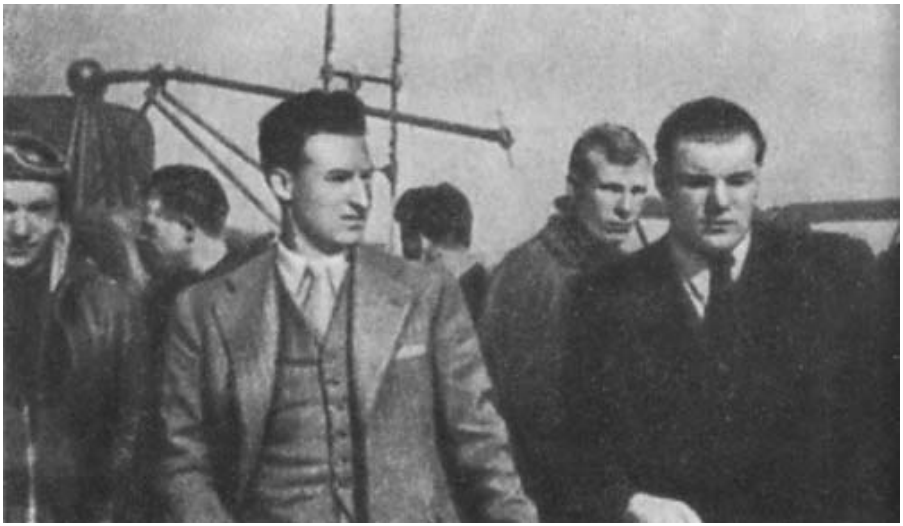
Учлеты-комсомольцы на аэродроме.



Передача советских самолетов Китаю.

Китайские истребители преследуют японские бомбардировщики. Август 1937 г.

Сбитый под Нанкином японский бомбардировщик. 1937 г.

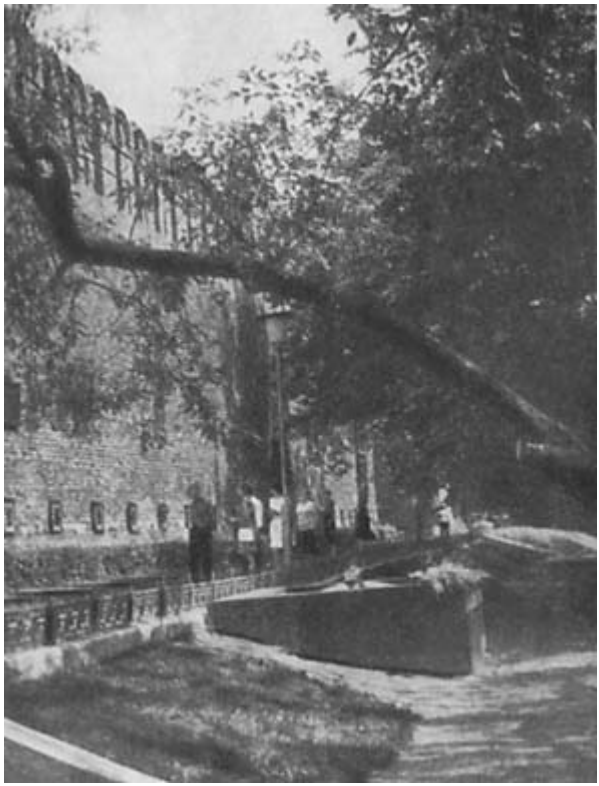


Испания. На аэродроме Бахаралос. Слева направо: М. Котыхов, В. Короуз, И. Еременко, В. Кустов, А. Серов.

Так выражал А. А. Губенко восторг в связи с присвоением ему звания полковника. Лето 1938 г.

Группа награжденных летчиков в Кремле на приеме у М. И. Калинина.

Александр Губенко, брат Антона, вручает гвардейское знамя одной из частей 3-го Украинского фронта. 1943 г.



Смоленск. Кремль. У самого угла крепости находится могила А. А. Губенко (там, где идет один человек).

Открытие мемориальной доски на здании Мариупольской профтехшколы, где учился А. А. Губенко. 1975 г.

Следопыты 28-й средней школы города Смоленска у могилы Героя Советского Союза А. А. Губенко.

notes

Примечания

1

Условное наименование операции по оказанию военной помощи Китаю.